

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №244

КЕМЕРОВО 2025

10 февраля 2025
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор) [и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 10.02.2025 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ.....3
Анпалова А.И., Каландаришвили Х.А.
2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ....6
Винниченко А.С., Скориков М.Д.
3. ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНИКОВ В КОНТЕКСТЕ КВАРТИРНЫХ КРАЖ.....9
Винниченко А.С., Скориков М.Д.
4. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕЕ СОВЕРШЕНИЕ.....12
Часовских О.В., Редков С.К.
5. ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ.....19
Мартынова Е.Е.
6. ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ СТРАНЫ.....23
Хромых А.И.
7. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ФОРМА (ИСТОЧНИК) ПРАВА.....26
Хромых А.И.
8. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ29
Двоеглазов А.М., Павлов А.А.
9. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ СОХРАННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....32
Алиев И.В.Оглы
10. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....35
Никифоров А.В., Кафиатулина А.В.
11. ОПЫТ США И ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ В ОБЛАСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ: КЕЙС-СТАДИ.....42
Никифоров А.В., Кафиатулина А.В.
12. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....49
Богачик Т.О., Бобровский О.В.

Анпалова А.И.**Anpalova A.I.**

магистр ВСФ ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Каландаришвили Х.А.**Kalandarishvili H.A.**

научный руководитель, к.ю.н.,

доцент кафедры гражданского, административного и уголовного судопроизводства
ВСФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

УДК 343.132

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**LEGAL GROUNDS FOR EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF RUSSIA**

Аннотация. Актуальность темы обусловлена значимостью освидетельствования как следственного действия в процессе доказывания по уголовным делам. Целью данной статьи является комплексный анализ правовых оснований освидетельствования, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а также выявление проблемных аспектов и путей их решения. В работе использованы методы анализа, синтеза, сравнения и толкования правовых норм, а также изучение судебной практики. Результаты исследования показывают, что правовые основания освидетельствования, закрепленные в статье 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), нуждаются в уточнении и конкретизации. Выявлены проблемы, связанные с определением объема и пределов освидетельствования, а также с обеспечением прав и законных интересов освидетельствуемого лица. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в УПК РФ и разработки методических рекомендаций для правоприменителей.

Abstract. The relevance of the topic is due to the importance of examination as an investigative action in the process of proving in criminal cases. The purpose of this article is a comprehensive analysis of the legal grounds for examination, enshrined in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as the identification of problematic aspects and ways to solve them. The methods of analysis, synthesis, comparison and interpretation of legal norms, as well as the study of judicial practice, were used in the work. The results of the study show that the legal grounds for examination, enshrined in Article 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC of the Russian Federation), need clarification and concretization. Problems related to the definition of the scope and limits of the examination, as well as with ensuring the rights and legitimate interests of the examined person, have been identified. The conclusion is made about the need to amend the CPC of the Russian Federation and develop methodological recommendations for law enforcement officials.

Ключевые слова: освидетельствование, уголовный процесс, следственные действия, УПК РФ, правовые основания, доказательства, права человека, законность, принудительное освидетельствование, добровольное освидетельствование.

Keywords: examination, criminal procedure, investigative actions, CPC of the Russian Federation, legal grounds, evidence, human rights, legality, compulsory examination, voluntary examination.

Освидетельствование, как одно из следственных действий, играет важную роль в уголовном судопроизводстве, поскольку позволяет получить сведения о состоянии человека, наличии на его теле особых примет, следов преступления, а также иных свойств, имеющих значение для уголовного дела. Правовые основания для проведения освидетельствования закреплены в статье 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).¹

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 23.01.2025)

Согласно части 1 статьи 179 УПК РФ, освидетельствование проводится в целях:

1. Обнаружения на теле человека следов преступления;
2. Выявления особых примет;
3. Выявления состояния опьянения;
4. Выявления иных свойств, имеющих значение для уголовного дела.

Данный перечень является исчерпывающим, что означает, что проведение освидетельствования в целях, не указанных в законе, является недопустимым. При этом, формулировка «иных свойств, имеющих значение для уголовного дела» является достаточно широкой и может допускать различное толкование.

Освидетельствование может быть добровольным или принудительным. Добровольное освидетельствование проводится с согласия лица, в отношении которого оно проводится. При этом, следователь или дознаватель обязан разъяснить лицу его права и порядок проведения освидетельствования. Отказ от добровольного освидетельствования не может служить основанием для применения к лицу каких-либо мер принуждения.

Принудительное освидетельствование допускается в случаях, когда лицо отказывается от добровольного освидетельствования, и при наличии достаточных оснований полагать, что на его теле имеются следы преступления, особые приметы, признаки состояния опьянения или иные свойства, имеющие значение для уголовного дела. Принудительное освидетельствование, как правило, связано с ограничением прав человека, в частности, права на неприкосновенность частной жизни. В связи с этим, законодатель установил ряд гарантий, направленных на защиту прав освидетельствуемого лица.²

В соответствии с частью 3 статьи 179 УПК РФ, освидетельствование проводится в присутствии понятых. Данное требование является обязательным, за исключением случаев, когда освидетельствование проводится в условиях, исключающих возможность присутствия понятых (например, в условиях чрезвычайной ситуации). Кроме того, освидетельствование лица другого пола проводится в присутствии медицинского работника того же пола. Данное требование также направлено на защиту прав освидетельствуемого лица.

Особое внимание следует уделить освидетельствованию несовершеннолетних. В соответствии со статьей 425 УПК РФ, освидетельствование несовершеннолетнего проводится с обязательным участием его законного представителя. В случае отсутствия законного представителя, его участие может быть обеспечено педагогом или психологом. Данное требование направлено на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Правовым основанием для проведения освидетельствования является постановление следователя или дознавателя. В постановлении должны быть указаны основания для проведения освидетельствования, а также цель и порядок его проведения. Постановление должно быть мотивированным и обоснованным.

В ходе освидетельствования могут быть получены доказательства, имеющие значение для уголовного дела. В частности, могут быть обнаружены следы преступления (например, следы крови, ссадины, царапины), особые приметы (например, татуировки, шрамы, родимые пятна), признаки состояния опьянения (например, запах алкоголя, нарушение координации движений), а также иные свойства, имеющие значение для дела.

Полученные в ходе освидетельствования сведения и предметы должны быть зафиксированы в протоколе освидетельствования. В протоколе должны быть указаны все обстоятельства проведения освидетельствования, а также сведения о лицах, участвовавших в освидетельствовании. Протокол освидетельствования является допустимым доказательством по уголовному делу.³

Несмотря на наличие законодательного регулирования, на практике возникают проблемы, связанные с применением статьи 179 УПК РФ. Одной из таких проблем является недостаточная четкость формулировки «иных свойств, имеющих значение для уголовного дела». Данная формулировка может допускать расширительное толкование, что может приводить к необоснованному проведению освидетельствования.

² Шпикалова А.В. Принудительное освидетельствование в уголовном процессе России / А.В. Шпикалова // Уголовное право. 2019. № 4. С. 3–9

³ Михайлов В.А. Протоколы следственных действий: практическое руководство. М.: Юрайт, 2020. 216 с.

Другой проблемой является отсутствие единых методических рекомендаций для следственных органов по проведению освидетельствования. Это приводит к тому, что в разных регионах и следственных подразделениях освидетельствование может проводиться по-разному, что негативно сказывается на качестве следствия.⁴

Также на практике встречаются случаи необоснованного проведения освидетельствования, когда у следователя отсутствуют достаточные основания для его проведения. Это может быть связано с недостаточной квалификацией следователей или с их стремлением получить доказательства любыми способами.⁵

В целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики, необходимо внести ряд изменений в УПК РФ, а также разработать методические рекомендации для следственных органов.⁶

В частности, необходимо конкретизировать формулировку «иных свойств, имеющих значение для уголовного дела», установив исчерпывающий перечень таких свойств. Следует также установить более четкие критерии для определения оснований для проведения принудительного освидетельствования.

В методических рекомендациях необходимо детально регламентировать порядок проведения освидетельствования, включая порядок фиксации результатов освидетельствования, а также порядок обжалования действий следователя.⁷

Также, важным представляется повышение квалификации следственных работников в области проведения следственных действий, в том числе и освидетельствования. Это позволит избежать случаев необоснованного проведения освидетельствования и нарушения прав граждан.

В заключение следует отметить, что освидетельствование является важным следственным действием, которое играет важную роль в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Однако, для обеспечения его законности и обоснованности, необходимо совершенствование законодательной базы и правоприменительной практики. Внесение изменений в УПК РФ, разработка методических рекомендаций и повышение квалификации следственных работников позволят обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 23.01.2025)
2. Шпикалова А.В. Принудительное освидетельствование в уголовном процессе России / А.В. Шпикалова // Уголовное право. 2019. № 4. С. 3–9
3. Михайлов В.А. Протоколы следственных действий: практическое руководство. М.: Юрайт, 2020. 216 с.
4. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 208 с.
5. Григорьев В.Н. Уголовный процесс: учебник. – М.: Юрайт, 2019. – 576 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 1200 с.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. – М.: КноРус, 2019. – 768 с.

⁴ Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 208 с.

⁵ Григорьев В.Н. Уголовный процесс: учебник. – М.: Юрайт, 2019. – 576 с.

⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 1200 с.

⁷ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. – М.: КноРус, 2019. – 768 с.

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Aleksandr Sergeevich

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
г. Волгоград, РФ

Скориков Максим Дмитриевич
Skorikov Maksim Dmitrievich

студент 6 курса, группа ПНБз-601, 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, РФ

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ**CURRENT ISSUES IN THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING RESIDENTIAL BURGLARIES**

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам и современным подходам к расследованию квартирных краж — одного из наиболее распространённых видов имущественных преступлений. Рассматриваются этапы работы следователя: осмотр места происшествия, сбор вещественных доказательств, анализ собранной информации и установление личности подозреваемых. Особое внимание уделено внедрению современных технологий, таких как аналитические системы, видеонаблюдение, цифровая криминалистика и 3D-моделирование. Также обсуждаются проблемы взаимодействия оперативных и следственных подразделений, дефицита ресурсов и квалификации сотрудников. В статье предложены практические рекомендации по оптимизации расследования и повышения его эффективности.

Abstract. The article addresses current issues and modern approaches to investigating residential burglaries, which remain one of the most common types of property crimes. It examines key stages of the investigator's work: crime scene inspection, collection of physical evidence, analysis of gathered information, and identification of suspects. Special attention is given to the implementation of advanced technologies, such as analytical systems, video surveillance, digital forensics, and 3D crime scene modeling. The article also highlights challenges related to the interaction between investigative and operational units, resource shortages, and staff qualification. Practical recommendations for optimizing investigations and improving their efficiency are provided.

Ключевые слова: квартирные кражи, расследование, криминалистика, осмотр места происшествия, доказательства, аналитические системы, видеонаблюдение, цифровая криминалистика, 3D-моделирование, взаимодействие подразделений.

Keywords: residential burglaries, investigation, forensics, crime scene inspection, evidence, analytical systems, video surveillance, digital forensics, 3D modeling, interdepartmental interaction.

Расследование квартирных краж остается одной из приоритетных задач правоохранительных органов, учитывая высокий уровень латентности данных преступлений и сложность их раскрытия. В современных условиях наблюдается эволюция методов совершения данных преступлений, что требует совершенствования следственной практики, внедрения новых криминалистических технологий и усиления межведомственного взаимодействия.

Сложность раскрытия данных преступлений обусловлена отсутствием очевидных свидетелей, а также высоким уровнем подготовки преступников, которые используют современные технические средства и методы конспирации. Данный аспект требует комплексного подхода к организации расследования, включающего совершенствование методики фиксации доказательств, применения аналитических систем и активного использования инструментов цифровой криминалистики.

Одной из ключевых проблем является недостаточная оперативность реагирования, обусловленная временным разрывом между моментом совершения преступления и его обнаружением потерпевшими. Это существенно затрудняет фиксацию первичных следов, что снижает эффективность последующих процессуальных действий. В ряде случаев обнаружение преступления

происходит через несколько часов или даже дней после его совершения, что обуславливает необходимость разработки новых алгоритмов реагирования правоохранительных органов [1, с. 104].

Кроме того, материально-техническое обеспечение подразделений, занимающихся расследованием краж, остается недостаточным. Ограниченные ресурсы правоохранительных органов, нехватка высококвалифицированных специалистов в области цифровой криминалистики и устаревшие методики экспертиз осложняют эффективную работу следственных органов [2, с. 54].

Преступники все чаще прибегают к методам, направленным на минимизацию оставляемых следов. Использование перчаток, специализированных инструментов и современных технологий значительно усложняет дактилоскопическую и трасологическую идентификацию. В этом контексте необходимо более активное внедрение методов молекулярно-генетической экспертизы и цифровой криминалистики [3, с. 578].

В последние годы отмечается рост организованных преступных групп, специализирующихся на квартирных кражах. Данные группы используют сложные схемы проникновения, тщательно планируют преступления, применяют методы конспирации, что увеличивает сложность их раскрытия. Это требует усиления аналитического подхода и развития межведомственного сотрудничества для оперативного обмена данными [4].

Недостаточный уровень профилактических мер также способствует росту квартирных краж. Граждане, не обладая достаточными знаниями о современных средствах защиты жилья, становятся легкой целью для преступников. В этом аспекте требуется развитие программ по информированию населения, а также ужесточение требований к охранным системам жилых помещений [5, с. 254].

Актуальность разработки новых методик расследования обусловлена комплексом факторов, включая временной разрыв в обнаружении преступлений, ограниченность технических возможностей следственных подразделений, совершенствование методов преступников и слабую профилактическую деятельность. Развитие нормативно-правовой базы, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и внедрение современных технологий должны стать приоритетными направлениями совершенствования расследования квартирных краж.

Развитие цифровых технологий открыло новые возможности в сфере криминалистики. Важную роль играет использование аналитических систем, позволяющих обрабатывать большие объемы данных, выявлять закономерности и прогнозировать возможные преступные действия. Внедрение таких систем на базе криминалистических подразделений позволяет существенно повысить оперативность расследования [6, с. 99].

Системы видеонаблюдения, оснащенные алгоритмами распознавания лиц и анализа поведения, способствуют быстрой идентификации подозреваемых. Важно отметить, что юридическая легитимность использования таких технологий требует уточнения в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства [7, с. 124].

Применение цифровой криминалистики, включая анализ электронных ключей, мобильных устройств и интернет-активности подозреваемых, становится неотъемлемой частью расследований. Однако правоприменительная практика в данной сфере требует совершенствования, особенно в части процессуального закрепления полученных данных [8, с. 176].

Перспективным направлением является внедрение 3D-моделирования мест преступлений, что позволяет детально фиксировать обстановку и анализировать следственную картину с высокой точностью.

Использование современных криминалистических технологий повышает эффективность расследований, однако их внедрение требует нормативно-правового регулирования и подготовки специалистов. Инвестиции в развитие криминалистической техники и расширение практики цифровых расследований позволят правоохранительным органам значительно повысить раскрываемость квартирных краж.

Ключевым этапом расследования является осмотр места происшествия, в ходе которого осуществляется фиксация обстановки, выявление следов взлома, сбор вещественных доказательств. Особое внимание должно уделяться применению методов фото- и видеосъемки, 3D-сканирования и анализа цифровых следов.

Следующим этапом является работа с потерпевшими и свидетелями. Получение информации о похищенном имуществе, анализ возможных мотивов и изучение социальных связей потерпевшего позволяют сузить круг подозреваемых.

Анализ собранной информации включает проверку отпечатков пальцев, следов ДНК, трасологические исследования, анализ видеозаписей и цифровых данных. Комплексный подход к обработке информации способствует более быстрому установлению личности преступников.

Эффективное расследование требует тщательной фиксации улик, использования современных технологий анализа данных и активного взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Современные методы криминалистики, включая цифровые технологии и аналитические системы, должны активно использоваться на всех этапах расследования.

Библиографический список:

1. Огарков А. И. Криминалистика: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2022. – 540 с. – Текст : непосредственный.
2. Платонов К. К. Современные методы расследования преступлений. – СПб.: Юридический центр, 2021. – 320 с. – Текст : непосредственный.
3. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ "О внесении изменений в УПК РФ" // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4558. – Текст : непосредственный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 "О практике применения судами законодательства о доказательствах" // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8. – Текст : непосредственный.
5. Борисов В. В. Цифровая криминалистика: актуальные вопросы. – М.: Статут, 2020. – 410 с. – Текст : непосредственный.
6. Иванов С. А. Использование технологий анализа данных в расследовании преступлений. – СПб.: Криминологический центр, 2023. – 290 с. – Текст : непосредственный.
7. Кузнецов И. Е. Современные криминалистические методы идентификации. – М.: Юридическая литература, 2021. – 375 с. – Текст : непосредственный.
8. Смирнов А. О. Видеонаблюдение и криминалистика. – СПб.: Право, 2022. – 280 с. – Текст : непосредственный.

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Aleksandr Sergeevich

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
г. Волгоград, РФ

Скориков Максим Дмитриевич
Skorikov Maksim Dmitrievich

студент 6 курса, группа ПНБз-601, 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, РФ

УДК 34

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНИКОВ В КОНТЕКСТЕ КВАРТИРНЫХ КРАЖ**CRIMINAL PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF RESIDENTIAL BURGLARIES**

Аннотация. Квартирные кражи представляют собой одну из самых распространенных форм преступлений в городской среде, наносящих ущерб не только материальному состоянию жертв, но и их психологическому состоянию. Данная работа направлена на исследование психологии преступников, совершающих квартирные кражи. Особое внимание уделяется анализу психологических факторов, мотивов и характеристик поведения преступников, а также роли психологов в процессе расследования этих преступлений. В статье рассматриваются различные типы преступников, их мотивация и социальные условия, влияющие на принятие решения о совершении преступления. В работе также подчеркивается важность психологического подхода при взаимодействии следователей с подозреваемыми, в том числе с подростками и молодежью, совершившими квартирные кражи. Результаты исследования могут послужить основой для разработки более эффективных методов профилактики и расследования квартирных краж.

Abstract. Residential burglaries are one of the most common forms of crime in urban environments, causing significant harm not only to the material state of victims but also to their psychological well-being. This study focuses on examining the psychology of criminals committing residential burglaries, with particular attention to the analysis of psychological factors, motives, and behavioral characteristics. The article discusses various types of offenders, their motivations, and the social conditions influencing the decision to commit a crime. The importance of a psychological approach in interactions between investigators and suspects, including adolescents and young people who commit residential burglaries, is also emphasized. The findings of the research can serve as a basis for developing more effective methods of prevention and investigation of residential burglaries.

Ключевые слова: квартирные кражи, психология преступников, мотивация, типы преступников, социальные условия, расследование преступлений, психологический подход, следователь, подростки, молодежь, профилактика преступлений.

Keywords: residential burglaries, criminal psychology, motivation, types of offenders, social conditions, crime investigation, psychological approach, investigator, adolescents, youth, crime prevention.

Квартирные кражи являются одной из самых распространенных форм имущественных преступлений. Они отличаются от других видов преступлений специфическими характеристиками, которые обуславливаются не только объективными условиями (например, доступность объектов для совершения преступления), но и субъективными факторами, включая психику преступников. Психология преступников, совершающих квартирные кражи, представляет собой важный элемент, который помогает раскрывать преступления, устанавливать мотивацию преступников и предсказывать их поведение.

Кражи, совершенные в жилищах, имеют свои особенности. Преступники, как правило, выбирают свои жертвы среди людей, которые, по их мнению, не будут активно сопротивляться. Это объясняется определенными психологическими мотивами, связанными с тем, что преступники выбирают именно тот момент, когда владельцы квартиры отсутствуют, что минимизирует риск быть пойманными. Согласно статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), кража

является тайным хищением чужого имущества, что подчеркивает важность элемента «тайности» для этого преступления [1, 57].

Одной из основополагающих теорий, объясняющих мотивацию преступников, является теория социального научения, предложенная Бандурой Дж. Эта теория гласит, что человек учится через наблюдение за поведением других людей, а также через процесс подражания. Применительно к квартирным кражам это означает, что преступник может учиться у других преступников или знакомых, которые уже совершали подобные деяния. Это особенно актуально для молодых людей, которые могут быть вовлечены в преступную деятельность, наблюдая за старшими товарищами [2, 201].

Мотивация преступников в контексте квартирных краж может варьироваться. В одном случае, преступник может совершить кражу из-за материальной нужды, например, с целью приобретения средств для удовлетворения базовых потребностей (еда, жилье, наркотики). В другом случае, преступник может быть мотивирован желанием приобрести роскошные вещи или деньги, что является результатом его стремления к социальному статусу и благосостоянию. Психологические исследования показывают, что такие преступники могут иметь дефицит в самооценке, и их действия направлены на компенсацию этого недостатка через материальные ценности. Это подтверждается теорией потребностей А. Маслоу, которая утверждает, что потребности, связанные с принадлежностью и уважением, могут побудить человека совершить преступление ради достижения социального статуса [3, с. 159].

Квартирные кражи также часто совершаются людьми с низким уровнем самоконтроля и низкой моральной ответственностью. Это связано с тем, что такие преступники не воспринимают кражу как серьезное нарушение общественных норм. В психологии преступников часто наблюдается искаженное восприятие норм морали, что может быть связано с различными личностными расстройствами, такими как психопатия или социопатия. Преступники, страдающие такими расстройствами, часто демонстрируют высокую степень безответственности и неспособности к эмпатии, что помогает им избегать чувства вины при совершении преступления [4].

Психологические характеристики преступников также могут проявляться в выборе способа совершения кражи. Например, преступники, которые имеют опыт совершения квартирных краж, могут выбирать более сложные способы доступа в помещение, такие как взлом дверей, окон или использование специализированных инструментов. На начальных этапах своей преступной деятельности преступники, как правило, выбирают более простые способы, такие как кражи из автомобилей или открытых помещений. Это также связано с поведенческой теорией, которая утверждает, что люди с опытом преступной деятельности предпочитают действия, которые ранее приносили им успех и не приводили к задержанию [5].

Однако важно отметить, что среди преступников, совершающих квартирные кражи, есть и такие, которые действуют из психологической потребности в эмоциях и острых ощущениях. Эти преступники, как правило, не нуждаются в материальных благах, а просто ищут острые ощущения, которые приносит нарушение закона. Они могут извлекать удовольствие от самого процесса проникновения в чужое жилище, от воссоздания ситуации риска, что служит для них формой психологического удовлетворения [6].

Для эффективного расследования квартирных краж необходимо учитывать эти психологические факторы. Важным элементом расследования является психологический анализ поведения преступников, который может помочь следователю лучше понять их мотивы и действия. Использование психодиагностики и проведения психологических экспертиз позволяет выявить скрытые мотивы, которые не всегда очевидны при обычном расследовании. Это особенно актуально в случаях, когда преступник отказывается признаться в своем преступлении или пытается скрыть свои истинные намерения.

Методы психологического воздействия также могут быть использованы при допросе преступников. Понимание психологии личности подозреваемого позволяет следователю более эффективно общаться с ним и использовать методы, направленные на выявление правды. Важно отметить, что на успех следственных мероприятий влияет не только профессионализм следователя, но и его способность использовать психологические знания для эффективного воздействия на подозреваемого. В данном контексте теория психологического воздействия, предложенная К. Левиным, объясняет, как социальные и эмоциональные факторы могут влиять на поведение человека и его готовность к сотрудничеству.

В итоге, психология преступников, совершивших квартирные кражи, является важной составляющей успешного расследования и раскрытия преступлений. Понимание мотивов преступников, их психологических особенностей и поведения позволяет следователям эффективно планировать расследование, раскрывать преступления и минимизировать риски для потерпевших.

Библиографический список:

1. Бандура Дж. Теория социального научения / Дж. Бандура; пер. с англ. — М.: Наука, 1985. — 178 с. — Текст : непосредственный.
2. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1999. — 350 с. - Текст : непосредственный.
3. Левин К. Психология воздействия / К. Левин; пер. с англ. — М.: Мысль, 1969. — 290 с. - Текст : непосредственный.
4. УК РФ (Уголовный кодекс Российской Федерации): официальный текст. — М.: Юрайт, 2025. — 320 с. - Текст : непосредственный.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107177. — Дата обращения 29.01.2025.
6. Федеральный закон от 3 августа 2020 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364297/. — Дата обращения 29.01.2025.

Часовских Ольга Васильевна

Студентка 3 курса магистратуры (направление подготовки «Юриспруденция»), г. Иваново
E-mail: olgamoleva5@mail.ru

Редков С.К.

научный руководитель, к. ю. н., доцент кафедры конституционного и муниципального права
РАНХиГС, г. Иваново

Chasovskikh O.V.

3d year student of the master's program (Law Department), Ivanovo

Redkov S.K.

research supervisor, Dr. Law sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and
Municipal Law of the RANEPА, Ivanovo

УДК 343.611

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕЕ СОВЕРШЕНИЕ

ON THE ISSUE OF CURRENT PROBLEMS OF THREATS OF MURDER OR SERIOUS HARM TO HEALTH AND RESPONSIBILITY FOR ITS COMMISSION

Аннотация. В рамках данной статьи исследуется угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Автором предпринимается попытка проанализировать актуальные проблемы, возникающие в рамках правоприменительной практики, связанные с данным составом преступления. Сформулирован основной их перечень и предложены некоторые пути решения, включающие в себя определение понятий «реальность угрозы», «основания опасаться осуществления угрозы», установление административной ответственности за действия, не образующие состава преступления, но направленные на устрашение жертвы и причиняющие ей моральный вред, оказывающие давление на ее психику, установление квалифицирующего признака ч. 2 ст. 119, связанного с согрешением злоумышленником ранее угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью.

Abstract. This article delves into the issue of the threat of homicide or grievous bodily harm, aiming to critically examine the current challenges encountered in law enforcement practices pertaining to this specific corpus delicti. A comprehensive list of these challenges is identified, and potential solutions are proposed. Among the key points addressed is the clarification of the concepts such as "the reality of a threat," "grounds for fearing a threat," and the establishment of administrative liability for actions that fall short of criminal offenses, yet serve to intimidate the victim, causing them psychological harm and exerting pressure on their psyche. Additionally, a qualifying feature is proposed for Part 2 of Article 119, which is linked to the perpetrator's prior act of threatening homicide or causing severe bodily harm.

Ключевые слова: угроза убийством, тяжкий вред здоровью, УК РФ, уголовная ответственность, реальность угрозы, основания опасаться угрозы

Keywords: threat of murder, serious bodily harm, Criminal Code of the Russian Federation, criminal responsibility, reality of the threat, basis for fearing the threat

Анализ судебной статистики показывает, что за последние годы количество преступлений, связанных с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, значительно возросло. Хотя общее количество таких угроз сократилось с 17 000 случаев в 2020 году до 12 000 случаев в 2023 году, наблюдается увеличение числа квалифицированных преступлений этого рода. Количество осужденных лиц за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в два раза увеличилось, составив 35 человек в 2023 году по сравнению с 14 человеками в 2020 году¹.

Право на жизнь, которое нарушается при совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, закреплено международными актами и Конституцией Российской Федерации. Государство ставит перед собой приоритетную задачу обеспечения заботы о здоровье и

¹ Судебная статистика РФ: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 18.12.2024)

защите жизни каждого человека, что соответствует принципам социальной справедливости, гуманизма и здравого смысла. Угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью рассматривается как насильственное преступление, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность согласно статье 119 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Объективная сторона указанного деяния характеризуется активными действиями, представляющими собой психическое насилие и выражающимися в угрозах причинить смерть или тяжкий вред здоровью другому человеку.

Обязательным элементом субъективной стороны рассматриваемого деяния, выступающим в качестве квалифицирующего признака ст. 119 УК РФ, является наличие у лица, совершающего преступление, прямого умысла, который направлен на восприятие потерпевшим высказанной виновным угрозы как реальной, которая будет исполнена в будущем и тем самым дающей основание опасаться ее осуществления. Для квалификации деяния как преступления неважно, имеет ли виновное лицо намерение исполнить эту угрозу; необходимо лишь, чтобы угроза воспринималась как реальная и исполнимая в будущем самим потерпевшим.

Доказательством выдвинутого выше тезиса являются многочисленные материалы судебной практики. По материалам дела, рассмотренного судьей Выборгского районного суда Санкт-Петербурга Шевчуком С.М. 15 января 2020 года, можно установить, что Медведев М.В. обвиняется в угрозе убийством. В ходе инцидента, произошедшего в квартире, Медведев М.В., испытывая неприязненные отношения к Медведевой С.В., направил угрожающие высказывания в ее адрес. Затем, схватив ее, он привел к окну в комнате. В дальнейшем, он взял нож и продолжал угрожать убийством, нанося физические повреждения и подставляя нож к ее горлу. Данные действия вызвали у Медведевой С.В. реальный страх за свою жизнь².

В материалах практики Ленинского районного суда г. Красноярска прослеживаются неприязненные отношения как мотив к совершению угрозы убийством. В результате ссоры у Аверьянова возник преступный умысел, направленный на угрозу убийством Ю. Держа нож в руке, он приближался к Ю, выражая слова угрозы. Подтверждая свои угрозы, он размахивал ножом перед Ю, находясь в близком расстоянии. В состоянии алкогольного опьянения, его агрессивные действия вызвали опасения у Ю. относительно возможности реализации угрозы убийством³.

По результатам Приговора Нолинского районного суда Кировской области можно сделать вывод о том, что лицо, находясь в состоянии алкогольного опьянения, предприняло попытку применения физического и информационного насилия к двум потерпевшим. Одному из потерпевших была изложена угроза убийством, которая была воспринята им как реальная, вызывая у него опасения. Второй потерпевший также столкнулся с подобной угрозой, проявленной в форме угрозы убийством и сопровождаемой физическим действием. Этот случай иллюстрирует сложную форму преступления, где угрозы сочетают в себе как физическое воздействие, так и угрожающие слова⁴.

Все указанное выше иллюстрирует необходимость для правоприменителя установить реальность угрозы, которая была высказана или же продемонстрирована в адрес жертвы. Подобные разъяснения можно обнаружить и в Определении Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ в Определении от 23.03.2010 г. № 368-О-О подчеркнул, что составообразующим применительно к ст. 119 УК РФ является только такое деяние, «которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления. Это предполагает необходимость в каждом конкретном случае уголовного преследования доказать не только наличие самой угрозы, но и то, что она была намеренно высказана с целью устрашения потерпевшего и в форме, дающей основания опасаться ее воплощения»⁵. Схожие

² Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 15.01.2020 г. по делу № 1-167/2020 (1-1347/2019): Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sud-praktika.cloud/precedent/551131.html> (29.12.2024)

³ Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 05.05.2017 г. по делу № 1-323/2017: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sud-praktika.cloud/precedent/545955.html> (29.12.2024)

⁴ Приговор № 1-15/2024 от 28.02.2024 г. по делу № 1-15/2024: Электронный ресурс. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/HBA9uVNd8ixw/?regular-txt=угроза+убийством®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=630#snippet (18.12.2024)

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23 марта 2010 г. № 368-О-О: Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99492/ (10.01.2025)

умозаключения правоприменителя содержатся и в п. 48 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 от 10.11.2021 г.⁶

Необходимость определения формы угрозы и способа ее выражения вытекает из принципов правовой ответственности. В своем решении Верховный Суд Российской Федерации подчеркивал, что угроза убийством может быть выражена различными способами, и не обязательно иметь вербальную форму. Отсутствие явной угрозы словами не лишает лицо уголовной ответственности по закону за статьей 119 Уголовного кодекса РФ, если «действия виновного явным образом свидетельствовали о реальной осуществимости угрозы»⁷.

В рамках анализа правонарушений, связанных с насилием, который мы провели в процессе изучения правоприменительной практики, следует обратить внимание на сочетание предкриминальных и криминальных обстоятельств. К первым следует относить продолжительный и системный характер угроз, ранее озвученные угрозы, которые привели к совершению преступления, а также совершение лицом ранее любых насильственных преступлений против личности. Ко вторым можно отнести, например, отсутствие свидетелей угрозы и нахождение со злоумышленником наедине, когда жертва осознает, что никто не сможет помочь ей; лишение возможности свободного передвижения, сопряженность с физическим или психическим насилием, алкогольное опьянение лица, агрессивная настроенность виновного лица; ситуации, явно демонстрирующие реальность угрозы — направление оружия в сторону потерпевшего, выстрелы в воздух, размахивания ножом, толчки к окну или пропасти и другие подобные действия, проанализированные нами в рамках изучения судебной практики.

Важно отметить, что содержание угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью получило свое толкование и может быть применено к различным видам преступлений, где такие угрозы являются квалифицирующим признаком и не требуют дополнительной квалификации с точки зрения уголовного законодательства Российской Федерации, в частности, по статье 119 Уголовного кодекса РФ. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» под угрозой понимает «не только прямые высказывания, в которых выражалось намерение применения физического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам, но и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия»⁸. Поэтому важно обратить внимание на то, что угрозы могут быть направлены не только на жертву прямо, но и на ее близких, родственников, зависимых лиц и других, что может оказать серьезное воздействие на психическое состояние человека.

Ранее в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ фигурировал такой признак реальности угрозы, как ее немедленность. Тем не менее, не все исследователи и практикующие юристы с этим согласны. Это объясняется тем, что угроза, будучи отложенной по времени, может представлять даже более высокий уровень общественной опасности, чем угроза немедленного характера. Это обусловлено долгосрочным воздействием на лицо, в отношении которого была произнесена угроза. В связи с этим, исключение указания на немедленность в определении угрозы Верховным Судом РФ является, на наш взгляд, абсолютно обоснованным.

Угроза может быть передана или высказана через посредников, раскрыта в средствах массовой информации, включая информационные сети. Она может затрагивать как самого потерпевшего, так и других лиц, обычно находящихся в его близком окружении. Отдельного внимания заслуживают систематические угрозы причинения смерти или тяжкого вреда здоровью через социальные сети. Уполномоченные органы не так часто обращают внимание на подобные эпизоды, тем самым, сужая состав ст. 119 УК РФ до бытового (семейного) насилия, что, безусловно, является достаточно частым проявлением угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в реальности. Вместе с тем, угрозы убийством или причинением тяжкого здоровья, как было указано выше, часто происходят в социальных сетях, однако правоприменитель сталкивается со следующей проблемой — установить, что угроза, несмотря на способ ее демонстрации, была реальной и могла быть осуществима в жизни.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 нояб. 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1, № 2.

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

⁸ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 дек. 2014 г. № 16 // Российская газета. 04.12.2014.

В этой связи в настоящее время назрела необходимость в адаптации правоприменительной практики к современным способам выражения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью для адекватного противостояния новым вызовам и преступлениям, совершаемым с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

К сожалению, законодательство и практика его применения не дают четкого определения угрозы в контексте статьи 119 УК РФ. Обобщив различные точки зрения судов, мы можем сформулировать угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как форму психологического насилия, направленную на вызывание негативных эмоций и давление на потерпевшего, что приводит к тревоге, страху, бессилию, отчаянию, сильным эмоциям, беспокойству о безопасности и здоровье, как собственных, так и других лиц. Представляется разумным закрепить данное определение угрозы в постановлении Пленума Верховного Суда для унификации судебной практики и более ясного понимания содержания угрозы как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ.

При наличии определенных условий угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью влечет уголовную ответственность по статье 119 УК РФ. Такое деяние рассматривается как преступление и может привести к серьезным последствиям для обвиняемого. Уголовная ответственность возможна, если угроза была конкретной и непосредственной, а также если обвиняемый обладал возможностью осуществить угрозу. Кроме того, важным условием является наличие намерения причинить вред здоровью или совершить убийство. Все эти элементы должны совпасть для того, чтобы возбудить уголовное дело и привлечь к ответственности лицо, совершившее преступление.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела уголовное дело в качестве суда кассационной инстанции. Осужденный был агрессивно настроен по отношению к потерпевшему, причем его удары металлическим прутком и ногами пришлись на жизненно важные органы потерпевшего. Тем не менее, суд первой инстанции не оценил реальность угрозы. В своем решении суд не привел мотивы, по которым пришел к выводу о наличии у осужденного прямого умысла на совершение угрозы убийством.

Высшая судебная инстанция установила, что критерии реальности угрозы можно сформулировать как субъективные и объективные. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего. Объективный критерий оценки реальности угрозы устанавливается с учетом обстоятельств, характеризующих обстановку, личность угрожающего, взаимоотношения потерпевшего и виновного.

В связи с этим спорным представляется указание в качестве отличительной особенности деяния, предусмотренного ст. 119 УК РФ, рядом исследователей того, что «у виновного имеется возможность совершить убийство или причинить тяжкий вред здоровью, но он сознательно этого не сделал». Рассмотрение вопроса квалификации деяния по статье 119 Уголовного кодекса Российской Федерации предполагает учет намерения виновного осуществить именно психическое насилие в отношении потерпевшего, а также восприятие последним угрозы как реальной. Следовательно, необходимо оценивать как субъективную, так и объективную стороны событий, исходя из умысла виновного и восприятия деяния потерпевшим.

Закрепление субъективных и объективных критериев реальности угрозы и ее признаков на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ является важным шагом. Принятие таких документов, как "О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 119 УК РФ", помогает судам правильно оценивать ситуации и делать обоснованные выводы о применении законодательства.

При анализе проблем применения ответственности за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью важно учитывать, что оценка реальности угрозы может быть субъективной и зависеть от индивидуальных особенностей взаимодействующих сторон. Личностные характеристики виновного и потерпевшего, их отношения, частота контактов и другие обстоятельства могут повлиять на восприятие угрозы и, как следствие, на оценку действий в рамках статьи 119 УК РФ.

Дело об убийстве Анны Овчинниковой, широко известное, представляет собой пример того, как угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью могут быть недооценены правоприменительными органами. Потерпевшая давала свидетельства о полученных угрозах от своего

мужа, который в конечном итоге совершил убийство. Однако сотрудники правоохранительных органов не признали реальность угроз, не возбудив дело по статье 119 Уголовного кодекса Российской Федерации. Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, высказанные в ходе семейных конфликтов, часто оцениваются потерпевшими как реальные, но могут не получить должного внимания со стороны органов правопорядка.

Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу отца потерпевшей, отметил, что используемые в уголовном законе «понятия «угроза» и «основания опасаться осуществления этой угрозы» направлены на обеспечение - в каждом конкретном случае - оценки деяния как представляющего общественную опасность, достаточную для признания его преступным». При этом было отмечено, что «факт причинения смерти или вреда здоровью, следующий за высказанной угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, тем более может свидетельствовать как о намеренном устрашении потерпевшего, так и о реальности угрозы...»⁹ Отсутствие адекватного реагирования государства в лице правоохранительных органов на угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью после фактического совершения преступления представляется неразумным, поскольку целью является предупреждение дальнейших преступлений как конкретного виновного, так и других лиц. Психическое запугивание и давление на потерпевших, даже в случаях, когда угроза является необоснованной, могут привести к безнаказанности лиц, выражавших угрозу, и способствовать увеличению насильственных преступлений. Как совершенно справедливо отмечается в научной литературе применительно к семейно-бытовым преступлениям против личности, «работа с лицами, совершившими акты семейного насилия, должна начинаться, как только стало известно о данном факте, даже если этот факт был установлен впервые. <...> необходимо, чтобы . были созданы механизмы, позволяющие привлечь виновных в семейном (домашнем) насилии к ответственности, и действия виновных лиц не оставались безнаказанными»¹⁰.

Сегодня отмечается увеличение случаев stalking, что вызывает беспокойство специалистов. Исследователи акцентируют внимание на вопросах предотвращения stalking и возможности наказания виновных лиц за подобные действия: «не во всех ситуациях речь идет об угрозах жизни или здоровью жертвы. Сталкер может напрямую не высказывать угроз убийством, а изо дня в день совершать множественные телефонные звонки. Иногда даже жертва может не испытывать угроз причинения вреда жизни или здоровью, что вовсе не значит отсутствия нарушения ее конституционного права»¹¹. В этой связи заслуживающей внимания выглядит позиция Ю.А. Шутовой, которая предлагает ввести в употребление термин «устрашение», под которым следует понимать «формирование у потерпевшего чувства беспокойства, тревоги и страха за свою жизнь и здоровье, а также подавление воли потерпевшего для изменения его поведения в интересах угрожающего»¹². В данный момент stalking, целью которого является устрашение, уголовно не наказуем, в то время как данный процесс действительно влияет на психоэмоциональное состояние жертвы, на ее самооценку и лишает ее возможности удовлетворять свои потребности, заниматься делами и работой, в целом, вести привычный образ жизни и нормально функционировать.

Таким образом, в рамках данного исследования был выявлен ряд актуальных проблем, связанных с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Среди них:

- 1) «Сужение» угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью до семейно-бытовой плоскости, в то время как материалы судебной практики, изученные нами, демонстрируют, что далеко не все преступные эпизоды связаны с конфликтами в семье.
- 2) Проблемы, связанные с осознанием реальности угрозы, высказанных в информационном поле и их доказуемость.
- 3) Проблемы наказуемости stalking как вида или предшественника угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и отсутствие правового регулирования данного преступного

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19 янв. 2021 г. № 2-О: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19012021-n-2-o/> (04.01.2025)

¹⁰ Волосова Н.Ю., Епанчинцева Г.А. Модель агрессивного поведения как одна из причин бытовых насильственных правонарушений и преступлений: психолого-правовые аспекты профилактики // Российский судья. 2021. № 6. С. 24.

¹¹ Зебницкая А.К. Stalking (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 51.

¹² Шутова Ю.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Юридические исследования. 2024. №1. С. 6.

деяния.

4) Проблемы, связанные с подходами к пониманию реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью правоприменителем, отсутствие единообразия в судебной практике.

Следующие способы решения указанных проблем, на наш взгляд, могут быть рассмотрены:

Во-первых, необходимо дать четкое определение понятию «реальность угрозы», определить ее критерии, учитывая разные плоскости. Следует определить понятие «основания опасаться осуществления угрозы» путем пояснения и перечисления основных предкриминальных и криминальных условий. В данных рекомендациях (которые могут быть сформированы Пленумом ВС РФ) нужно последовательно представить признаки, позволяющие разграничивать ст. 119 УК РФ со смежными составами, указать, что состав ст. 119 УК РФ является самостоятельным и не имеет отношения к форме обнаружения умысла (эта форма только косвенно связана с самим преступлением). Следует разработать методические рекомендации по рассмотрению эпизодов угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, высказанных в информационном пространстве, а также ее признаки.

Во-вторых, следует предусмотреть в законодательстве административную ответственность за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если такие действия не являются уголовно наказуемыми, принимая во внимание цель-результат преступника, выраженные в устрашении. Данное явление общественно опасно и направлено на устрашение жертвы, причиняет ей моральный вред, оказывает давление на ее психику и не позволяет ей нормально функционировать. Отсутствие такой нормы способствует безнаказанности преступников и способствует увеличению насильственных преступлений. Это также позволяет индивидуализировать наказание в зависимости от степени общественной опасности действия и характера нарушения. Это поможет предотвратить тяжкие преступления против личности.

Наконец, вполне разумным выглядит установить квалифицирующий признак состава преступления, связанного с угрозой убийства или причинения тяжкого вреда здоровью. Необходимо привлечь лиц, имевших ранее административную ответственность за такие действия, к уголовной ответственности. В данной связи, дополнение части 2 статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации представляется логичным шагом для совершенствования законодательства в области ответственности за подобные угрозы.

Библиографический список:

1. Волосова Н.Ю., Епанчинцева Г.А. Модель агрессивного поведения как одна из причин бытовых насильственных правонарушений и преступлений: психолого-правовые аспекты профилактики // Российский судья. 2021. № 6. С. 24.
2. Зebницкая А.К. Сталкинг (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 51.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 04.12.2014 № 16 // Российская газета. № 284. 12.12.2014.
4. Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 15.01.2020 г. по делу № 1-167/2020 (1-1347/2019): [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sud-praktika.cloud/precedent/551131.html>
5. Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 05.05.2017 г. по делу № 1-323/2017: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sud-praktika.cloud/precedent/545955.html>
6. Приговор № 1-15/2024 от 28.02.2024 г. по делу № 1-15/2024: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/НВА9uVHd8ixw/?regular-txt=угроза+убийством®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=630#snippet
7. Судебная статистика РФ: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 18.12.2024)
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 нояб. 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1, № 2.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утв.

Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

10. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 23.03.2010 г. № 368-О-О: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99492/

11. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 19.01.2021 г. № 2-О: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19012021-n-2-o/>

12. Шутова Ю.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: проблемы правоприменения и пути их преодоления //Юридические исследования. 2024. №1. С. 6.

Мартынова Елизавета Евгеньевна
Martynova Elizaveta Evgenevna

Магистрант по программе подготовки 40.04.01 – «Юриспруденция» Тольяттинского государственного университета

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

PROBLEMS OF EXONERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF PRIVATE PROSECUTION

Аннотация. Статья раскрывает проблемные аспекты, возникающие при реабилитации лиц по делам частного обвинения. Исследуется ответственность государственных лиц и частного обвинителя при привлечении к незаконной уголовной ответственности невиновного лица. В статье предлагаются усовершенствования действующего законодательства для улучшения защиты прав лиц от злонамеренного привлечения к уголовной ответственности частными лицами. Цель исследования – комплексное изучение теоретических и практических проблем, возникающих при реабилитации лиц по делам частного обвинения для разработки предложений по модернизации существующего законодательства. Задачи исследования: анализ и рассмотрение действующего законодательства, изучение различий между ответственностью государственных органов и частного обвинителя, выявление особенностей реабилитации по уголовным делам частного обвинения. Методология исследования – общенаучный системный метод познания.

Abstract. The article reveals the problematic aspects arising in the rehabilitation of individuals in private prosecution cases. The responsibility of public officials and a private prosecutor in bringing an innocent person to illegal criminal liability is examined. The article proposes improvements to the current legislation to improve the protection of the rights of individuals from malicious prosecution by private individuals. The purpose of the study is a comprehensive study of the theoretical and practical problems arising in the rehabilitation of individuals in private prosecution cases to develop proposals for modernizing the existing legislation. Research objectives: analysis and consideration of the current legislation, study of the differences between the responsibility of public authorities and a private prosecutor, identification of the features of rehabilitation in criminal cases of private prosecution. Research methodology is a general scientific systemic method of cognition.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, частное обвинение, реабилитация, моральный вред, ответственность за уголовное преследование, реабилитирующие основания прекращения уголовного дела, принесение официальных извинений прокурором.

Keywords. Criminal proceedings, private prosecution, exoneration, moral damage, liability for criminal prosecution, exonerating grounds for termination of a criminal case, official apology by the prosecutor.

Введение. Любое правовое государство является гарантом государственной защиты прав человека и личности, к инструментам которой относится институт реабилитации в уголовном судопроизводстве. Так, на сегодняшний день реабилитированное лицо по делам частного обвинения может иметь право на реабилитацию только в том случае, если судом первой инстанции был вынесен обвинительный приговор, а судом вышестоящей инстанции – оправдательный. Возможность применения положений глав 18 УПК РФ к реабилитированному лицу по уголовному делу частного обвинения, если судом первой инстанции был вынесен оправдательный приговор, на данный момент остается неопределённой. Указанные проблемы, возникающие в сфере реабилитации лиц в уголовном судопроизводстве, вызывают потребность в модернизации действующего законодательства для приведения к единому образу судебной практики.

Основной раздел. Согласно положений ст. 318 УПК РФ уголовные дела частного обвинения возбуждаются либо вследствие подачи заявления потерпевшим мировому судье, либо должностным лицом органа предварительного расследования, если преступление было совершено в отношении лица, которое в силу своего беспомощного или зависимого состояния или по иным причинам не может

отстаивать свои права и законные интересы [7].

В случае, если уголовное дело частного обвинения было возбуждено вследствие действий сотрудников органов предварительного следствия, применение положений главы 18 УПК РФ не вызывает сомнений, поскольку привлечение к уголовной ответственности лица было совершено со стороны государственных органов. Однако применение норм указанной главы в отношении лиц, которые были привлечены к уголовной ответственности путем заявления потерпевшего лица, порождает за собой некоторые проблемы.

Введение в букву закона такой категории как частное обвинение появилось вследствие того, что перечисленные в ст. 20 УПК РФ преступления являются преступлениями небольшой сложности раскрытия, то есть законодатель предполагает, что потерпевший может самостоятельно определить объем обвинения и собрать необходимую доказательную базу.

Нельзя при этом забывать о факторе обоснованности предъявления подозрений и обвинений, исходящих от потерпевшего лица. Человеческий фактор приводит к тому, что потерпевший может предъявлять алогичные и нелегитимные обвинения вследствие личных ссор и обид, пренебрежительного отношения к привлеченному к уголовной ответственности независимо от того, было ли в действительности событие преступления.

Подобная ситуация нередко приводит к тому, что не соблюдаются основополагающие, закрепленные конституционно права человека, как, например, ст. 23 Конституции РФ, которая является гарантом защиты таких прав человека и личности, как право на честь и доброе имя [2]. Несомненно, что психосоциальная сторона общественности характеризуется восприимчивостью к репутации отдельных элементов этого общества. Так, социум, узнав о судебном разбирательстве, даже если оно было необоснованным, в отношении какого-либо лица, порождает за собой перемены, в подавляющем случае негативные, в общественном положении этого лица, говоря проще – возникают порочащие честь сплетни и пересуды.

Указанная категория дел отличается от публичного и частно-публичного порядка тем, что по уголовным делам частного обвинения, если заявление было подано самим потерпевшим, наибольшая ответственность за деятельность государственных органов возлагается на суды и мировых судей, так как этап предварительного расследования исключается, а значит и должностные лица этих органов не оценивают и не квалифицируют состав преступления, его событие, не исследуют доказательства, собираемые в ходе этого расследования. Данные функции в конечном счете возлагаются на суды и судей, поскольку именно они принимают решение о привлечении к уголовной ответственности.

В связи с вышеизложенным в юридической науке ведутся дискуссионные споры на тему реабилитации лиц по указанным делам, поскольку уголовно-процессуальный закон никак не отличает уголовные дела частного обвинения от публичного на тему реабилитации.

Так, некоторые авторы считают, что компенсировать причиненный нелегитимным обвинением ущерб надлежит самому частному обвинителю [8, 54].

Другие авторы выдвигают иную точку зрения, в которой утверждают, что положения главы 18 УПК вообще не должны распространяться на подобного рода дела, а компенсирование полученного ущерба должно производиться в порядке гражданского судопроизводства [1, 2-6]. Указанная точка зрения прямо противоречит ч. 1 ст. 133 УПК РФ, где перечислены лица, причинение вреда которыми возмещается государством в порядке реабилитации. С высказанной точкой зрения авторами не согласился и Конституционный Суд РФ в своем постановлении № 22-П от 17 октября 2011 года, где указал, что уголовно-процессуальный порядок реабилитации применим к уголовным делам любого обвинения, включая публичный, частно-публичный и частный порядок [4].

В свою очередь, постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 29 ноября 2011 года в п. 8 указывает, что по уголовным делам частного обвинения реализация права на реабилитацию возможна лишь в тех случаях, если обвинительный приговор суда первой инстанции был обжалован и отменен в порядке апелляции, кассации или надзора, а в случае, если судом первой инстанции был вынесен оправдательный приговор, то нарушения со стороны государственных органов не наблюдаются и реабилитации привлеченное к уголовной ответственности лицо не подлежит [5].

Как уже было отмечено, интересам необоснованно привлеченного причиняется вред, честь и доброе имя могут быть запятнаны действиями частного обвинителя, однако, при условии законности действий государственных органов, правом на реабилитацию привлеченный обладать не будет. По моему мнению, вышеуказанные положения постановления Пленума влекут за собой нарушение баланса лиц, участвующих в уголовном процессе, поскольку правам привлеченного к уголовной

ответственности причиняется ущерб, а частный обвинитель ставится в преимущественное положение. Я считаю, что для достижения оптимального баланса в каждом конкретном случае необходимо определять, чьи действия повлекли нарушения прав привлеченного к уголовной ответственности, то есть производить разграничение между ответственностью государственных органов и частных обвинителей.

Проблема отграничения ответственности частного обвинителя и государственных органов остро проявляется в ошибочной судебной практике, несмотря на имеющиеся указания в законодательстве. Иллюстрацией неверного правоприменения может послужить решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13.06.2019 по делу № 2-135/2019 [6]. Фабула дела заключается в следующем: Севостьянов Л.Г. подал заявление в мировой суд Железнодорожного района г. Хабаровска в отношении Лобова И.А. Мировой судья 25.07.2018 г. признал виновным Лобова И.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ. Впоследствии апелляционная инстанция в виде Железнодорожного районного суда г. Хабаровска отменила указанный приговор по причине отсутствия события преступления, а за Лобовым И.А. было признано право на реабилитацию. В свою очередь Лобов И.А. обратился в Индустриальный районный суд г. Хабаровска с иском о возмещении имущественного и неимущественного вреда, который указанный суд удовлетворил частично.

В данном деле примечательно то, что несмотря на ссылки на соответствующие нормативно-правовые акты, а именно постановление Пленума Верховного Суда РФ, определения Конституционного Суда РФ, которые прямо говорят о том, что в указанном случае ответственность за уголовное преследование ложится на государственные органы, суд в своем решении указал, что бремя компенсации затраченных Лобовым И.А. денежных средств на защитников, оплату юридических и прочих услуг, а также возмещение морального вреда, причиненного Лобову И.А., ложится на частного обвинителя в лице Севостьянова Л.Г. Данный пример иллюстрирует ошибочность судебной практики ввиду отсутствия четкого законодательного разграничения ответственности между государственными органами и частными обвинителями.

Я думаю, что в случае, если судом первой инстанции был вынесен обвинительный приговор, впоследствии обжалованный и отмененный судом вышестоящей инстанции, компенсация имущественного и неимущественного вреда, полученного привлеченным к уголовной ответственности, должна возлагаться на государственные органы. В случае, если судом первой инстанции был вынесен оправдательный приговор, который впоследствии отменен вышестоящим судом не был, необходимо ввести в законодательство процессуальный порядок компенсации имущественного и неимущественного вреда на частного обвинителя.

При этом необходимо помнить, что поголовное привлечение каждого частного обвинителя в случае вынесения оправдательного приговора к полному возмещению имущественного и неимущественного вреда не является справедливым. С этой целью необходимо определение законности или же противозаконности действий частного обвинителя. Соплывается с этим мнением позиция Верховного Суда РФ, где в определении от 17 мая 2022 года по делу № 13-КГ22-2-К2 было сказано, что положения гражданского законодательства трактуются так, что возможность полного или частичного возмещения причиненного ущерба частным обвинителем варьируется в зависимости от добросовестного заблуждения или злоумышленности его действий [3].

По моему мнению, для восстановления нарушенных прав привлекаемого к уголовной ответственности лица необходимо точное определение перечня реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела частного обвинения. Данный перечень будет способствовать упрощению и приведению к единообразию правоприменительной судебной практики по восстановлению нарушенных прав привлеченных лиц.

Перечень реабилитирующих оснований по уголовным делам частного обвинения должен выглядеть, по моему мнению, следующим образом:

1. Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления;
2. Отсутствие события преступления;
3. Отсутствие в деянии состава преступления;
4. Неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин;
5. Отказ частного обвинителя от обвинения.

Необходимо отметить, что ранее в уголовно-процессуальном законе отказ частного обвинителя от обвинения предусматривал право на реабилитацию у привлекаемого лица, однако позже данное

основание было удалено, поскольку вся глава 18 УПК РФ направлена на восстановление нарушенных прав вследствие нелегитимных действий исключительно должностных лиц, к коим частный обвинитель не относится. По моему мнению, в делах частного обвинения по данному основанию возмещать материальный и нематериальный ущерб должно то лицо, которое выдвигало обвинения.

Рассматривая институт реабилитации как комплексную систему мер и действий, имеющих своей целью восстановление поправных прав, нельзя забывать о важной части этой системы – принесение официальных извинений прокурором. Принесение извинения является обязательным атрибутом реабилитации согласно уголовно-процессуальному закону, однако его применение является спорным относительно дел частного обвинения.

При отмене обвинительного приговора суда первой инстанции судом высшей инстанции принесение официальных извинений, с одной стороны, алогично, ввиду того, что обвинителем в указанных делах является частное, а не государственное, лицо. С другой стороны, принесение извинений является верным решением по причине ошибочности действий государственных органов относительно реабилитированного лица и того, что прокурор приносит официальные извинения не от собственного лица, а от лица всего государства.

Я считаю, что при вынесении оправдательного приговора в случае не добросовестного заблуждения, а злоумышленных действий частного обвинителя принесение официальных извинений прокурором или другим должностным лицом не требуется, поскольку в указанном случае государство выступило с защитой прав привлекаемого к уголовной ответственности. При доказанной противозаконности или злого умысла частного обвинителя принесение извинений следует возложить на него.

Заключение. В ходе настоящего исследования были изучены и выявлены проблемы, возникающие при реабилитации лиц по уголовным делам частного обвинения. В целях модернизации и усовершенствования действующего законодательства были предложены соответствующие меры. Для достижения правоприменительной практики по единому образцу необходимы следующие изменения в законодательстве: во-первых, необходимо отграничение ответственности государственных органов и частного обвинителя с внесением процессуального порядка компенсации вреда реабилитированному лицу частным обвинителем, во-вторых, определение круга оснований возникновения прав на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения, в-третьих, внесение норм о принесении извинений от лица частного обвинителя в случае прекращения уголовного дела по предложенным реабилитирующим основаниям. Изменения подобного рода будут являться гарантом защиты прав человека от злонамеренного привлечения к уголовной ответственности со стороны частных лиц.

Библиографический список:

1. Елагина А.А. Практика реабилитации // Мировой судья. 2013. №7. С. 2–6;
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
3. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2022 по делу № 13-КГ22-2-К2 // СПС «КонсультантПлюс»;
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 N 22-П "По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко" // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 N 17 (ред. от 28.06.2022) "О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве" // СПС «КонсультантПлюс»;
6. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13.06.2019 по делу № 2 135/2019;
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025);
8. Шалумов М.С., Шалумова Н.Э. Реабилитация по делам частного обвинения. // Уголовный процесс. 2008. № 10. С. 54.

Хромых Александр Иванович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Липецкий филиал

Khromykh Alexander Ivanovich

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Lipetsk branch

УДК 340.11

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ СТРАНЫ

STRATEGIC MANAGEMENT TOOLS FOR THE SOCIO–ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Аннотация. В статье рассматривается роль государственных программ и национальных проектов как инструментов программно–целевого метода стратегического управления социально–экономическим развитием страны.

Abstract. The article examines the role of state programs and national projects as tools of a program–oriented method of strategic management of the socio–economic development of the country.

Ключевые слова: программно–целевое управление, государственная программа, национальный проект.

Keywords: program and target management, state program, national project.

Стратегическое управление, основанное на целевой модели будущего развития государства, нацелено на комплексное решение поставленных долгосрочных целей и приоритетов, путем использования новых правовых механизмов. Понятие «государственное стратегическое управление» относится к экономической сфере и предполагает «формирование и реализацию основных приоритетов долгосрочного социально–экономического развития страны» [3, с.108].

Начиная с 2005 года, национальные проекты, наряду с государственными программами стали важной частью государственной политики России, направленной на решение актуальных проблем и обеспечение устойчивого развития на долгосрочную перспективу. До этого момента с начала 2000–х годов в стране возникла необходимость в комплексном подходе к решению актуальных социальных и экономических задач. Первым шагом к этому стали федеральные целевые программы (ФЦП), которые начали принимать с 2002 года. Эти программы были направлены на решение конкретных проблем, таких как развитие инфраструктуры, поддержка отдельных отраслей экономики и улучшение качества жизни граждан. Однако, несмотря на их важность, ФЦП не всегда обеспечивали необходимую гибкость и оперативность в принятии решений.

Национальные проекты России, появившиеся в 2005 году, получили новый импульс своего развития, когда 7 мая 2018 г. был принят новый Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2], который в целях осуществления прорывного научно–технологического и социально–экономического развития Российской Федерации обозначил ряд проектов в соответствии с национальными целями. Указ Президента стал не только стартовой площадкой для реализации амбициозных проектов, но и основой для формирования нового подхода к управлению страной. В этот период переход на программно–целевое управление становится наиболее влиятельной парадигмой реализации государственного управления, в основе которого лежит стратегическое целеполагание и прогнозирование.

На данный момент работа над проектами, определенными в качестве стратегических целей в 2018 году, продолжается, и результаты их реализации будут оцениваться по установленным показателям, что позволит корректировать стратегию в зависимости от возникающих вызовов и потребностей общества.

Результативность решения многих проблем определенных в качестве национальных проектов развития показало, что переход на государственное программно-целевое управление было правильным решением и стало важным инструментом в решении социально-экономических проблем, что подтверждает его растущее применение в различных сферах. Как указывает О.А. Переловская «программный подход, является одним из наиболее успешно применяемых и разработанных во всем мире управленческих механизмов, облегчающих принятие решения по возможным вариантам эффективного использования ресурсов, дающий возможность сопоставить альтернативы целей и последствия расходов – задачи, которые не могут быть решены без такого механизма» [5, с.317].

Это управление позволяет систематизировать и оптимизировать процессы, направленные на достижение конкретных результатов, что особенно актуально в условиях быстро меняющейся обстановки как внутри страны, так и вовне.

Сегодня программно-целевой или проектный подход представляет собой одну из наиболее эффективных стратегий управления, которая находит широкое применение в современных условиях. Этот метод основывается на стратегическом целеполагании и прогнозировании, высоком уровне детализации планирования, что позволяет учитывать множество факторов и аспектов, влияющих на реализацию проектов.

В рамках этого подхода национальные проекты и государственные программы играют решающую роль, выступая в качестве основного механизма реализации социальной и экономической политики государства.

Государственные программы и национальные проекты являются документами стратегического планирования, что отражено в ст. 11 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] и внесло некоторую ясность в целевые задачи национальных проектов и программ.

Государственная программа представляет собой комплексный инструмент, направленный на решение актуальных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством в целом. Она охватывает множество аспектов, и ее разработка осуществляется на федеральном уровне, что позволяет учитывать интересы различных регионов и слоёв населения. В процессе её реализации могут участвовать различные министерства и ведомства, что обеспечивает комплексный подход к решению поставленных задач.

Национальные проекты, в свою очередь, являются более узкоспециализированными инициативами. Национальный проект – это единый межведомственный инструмент достижения показателей национальных целей развития и решения стратегических задач, поставленных Президентом России, направленный на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений. Именно целевое назначение национального проекта в качестве уникальных результатов определяет его особый статус.

Оба механизма следует рассматривать на уровне когерентных средств программно-целевого метода, основанного на его комплексности и системности. Это означает, что при разработке и реализации проектов и программ учитываются не только непосредственные цели, но и долгосрочные перспективные, а также последствия их влияния на различные сферы жизни общества и экономики. Как указывает М.Р. Муртузалиев, что они «формируются по одному алгоритму, который предполагает выявление проблемы, поиск ресурсов для ее решения, затем разрабатываются мероприятия, к которым определяются ответственные субъекты, устанавливаются сроки с учетом необходимого объема ресурсов и только после этого утверждается программа» [4, с.48] или проект. Программно-целевой подход позволяет более эффективно распределять ресурсы, сочетая публичные интересы государства и частного бизнеса, минимизировать риски и достигать поставленных перспективных целей путем решения текущих задач в условиях ограниченных ресурсов.

Таким образом, программно-целевой подход к государственному управлению обладает определенными специфическими чертами:

- позволяет обеспечить рост заинтересованности участников реализации программ при использовании механизмов и методов стимулирования;
- предполагает ориентированность не на директивные предписания, а на договорные отношения между органами государственного управления и коммерческими организациями, выступающими в виде исполнителей.

На наш взгляд с целью структурирования, все государственные инициативы целесообразно разделить на две основные категории: программы, входящие в состав национальных проектов, и

программы, действующие вне их рамок.

Программы, входящие в национальные проекты, должны быть обязательно декомпозированы на уровне субъектов Федерации. Это означает, что каждый регион должен разрабатывать свои региональные проекты, которые будут соответствовать общим целям национальных инициатив, но при этом учитывать местные особенности и потребности населения. Программы, которые не входят в состав национальных проектов, могут оставаться исключительно федеральными инструментами государственного регулирования. Такие программы могут быть направлены на решение специфических задач, которые не требуют региональной адаптации, или на поддержку тех областей, которые не охвачены национальными проектами.

Библиографический список:

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : принят Гос. Думой 20 июня 2014 г. : одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г. : (ред. от 13 июля 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Рос. Федерации от 07 мая 2018 № 204 (ред. от 21.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
3. Кузнецов, В.К. Национальные программы и проекты как инструменты стратегического управления социально-экономическим развитием страны / В.К. Кузнецов // Теория и практика общественного развития. – 2021. – №11. – С.106–112. – Текст : непосредственный.
4. Муртузалиев, Р.М. Перспективы использования программно – целевого подхода в управлении развитием территории / Р.М.Муртузалиев// Плехановский барометр. – 2022. – № 1(29). – С. 48–50. – Текст : непосредственный.
5. Переловская, О.А. Программный подход, как управленческий механизм /О.А. Переловская // Мировая наука. – 2020. – №6 (39). – С.316–321. – Текст : непосредственный.

Хромых Александр Иванович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Липецкий филиал

Khromykh Alexander Ivanovich

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Lipetsk branch

УДК 340.11

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ФОРМА (ИСТОЧНИК) ПРАВА**THE NATIONAL PROJECT AS A FORM (SOURCE) OF LAW**

Аннотация. Исследованы сущность национального проекта как новой формы права и его место среди источников современного российского права. Установлено, что национальный проект по своей правовой природе является правовым документом стратегического планирования и как продукт правотворческой деятельности имеет такую форму правового акта, которая отвечает современным требованиям регулирования общественных отношений.

Abstract. The essence of the national project as a new form of law and its place among the sources of modern Russian law are investigated. It is established that the national project, by its legal nature, is a legal document of strategic planning and, as a product of law-making activity, has a form of legal act that meets modern requirements for regulating public relations

Ключевые слова: национальный проект, форма (источник) права, сфера регулирования публичных интересов, комплекс стратегических инициатив.

Keywords: national project, form (source) of law, sphere of regulation of public interests, complex of strategic initiatives.

Вопросы изучения формы права и источника права длительное время остаются предметом обсуждения и споров среди ученых и практиков. Отсутствие единого и общепризнанного определения этих терминов, а также разнообразие подходов к его пониманию делают его одним из самых сложных и многогранных понятий в правоведении. Не вдаваясь глубоко в суть научного спора, отметим, что позиция многих авторов, идентифицирующих форму и источник права не лишена оснований. В частности, М.И. Байтин исходит из того, что форма (источник) права – это «определенные способы (приемы, средства) выражения государственной воли общества» [1, с.67]. Такое утверждение вполне справедливо, поскольку именно форма права придает воле государства общеобязательный и доступный характер. Посредством формы право приобретает юридическую силу.

Современный этап развития законодательства характеризуется многообразием форм права, которые можно условно разделить на традиционные и новые, более гибкие формы. К традиционным формам (источникам) права относятся федеральные законы, указы президента постановления правительства, регулирующие различные аспекты государственной политики. Важную роль в правоприменении играют акты министерств и ведомств, которые детализируют и конкретизируют нормы, установленные вышестоящими актами.

Однако современное законодательство ищет новые формы права, способные решать поставленные перед обществом и государством задачи развития. К таким актам можно отнести программы, стратегии и национальные проекты, которые разрабатываются в рамках долгосрочного планирования и направлены на решение ключевых перспективных и насущных задач социально-экономического развития страны.

Эти новые формы права в сфере регулирования публичных интересов сочетают в себе императивные и диспозитивные начала. Элементы публично-правового регулирования, устанавливаются на уровне законодательства и контролируются государством, должны быть в том числе интегрированы в структуру норм и институтов гражданского права и направлены на

обеспечение публичных интересов в сфере их применения.

Сегодня уже вполне очевидно, что национальные проекты избраны государством в качестве основной правовой конструкции для реализации стратегических целей и задач развития страны. Имея в своем арсенале вполне рабочий механизм государственных программ для решения социально-значимых задач, тем не менее государство обратилось к поиску новой формы – национального проекта. «Проект в разрезе управленческой деятельности – комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений» [3, с.267]. Из этого определения следует, что проект обладает следующими свойствами. Во-первых, ограниченность во времени – проект должен иметь четкие временные рамки, во-вторых, – направленность на создание уникального продукта, услуги и результата, в-третьих, – организация осуществления проекта в рамках ресурсных ограничений.

Рассматривая статус национального проекта необходимо отметить, что эта новая форма российского права определяется не только его содержанием, но также и служебным назначением – как акта, имеющего властные предписания. Его особенностями как разновидности властного акта выступают: 1) субъекты, инициирующие принятие документа (глава государства и правительство); 2) общенациональный характер акта. «Сам по себе проект, как тип юридического властного акта, также обладает немалыми достоинствами, например, демонстрирует прозрачность, обоснованность и своевременность принимаемых решений, обеспечивает достижение целей развития в четко установленные сроки, гарантирует ресурсное обеспечение, и что немаловажно, содержит в себе возможность координации деятельности органов власти и участников проектов» [3, с.96]. Такое понимание понятия дает основания рассматривать национальный проект как новую форму права.

В рамках механизмов, обеспечивающих стратегическое развитие страны, такая форма права позволяет регулировать общественные отношения, определяя модели будущего развития в той или иной области. Национальные проекты представляют собой комплексные программы, которые направлены на решение актуальных и исключительно важных задач и проблем, поставленных Президентом России. Цель национальных проектов определена законом как получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений. Именно такое целевое назначение национального проекта в качестве уникальных результатов определяет его особый статус. Эти проекты формируются на основе глубокого анализа существующих вызовов и потребностей, путем четкого целеполагания, основанного на научном прогнозировании, что позволяет государству не только реагировать на текущие проблемы, но и предвидеть перспективы будущего развития.

Кроме того, наличие структурной организации юридического документа, который представлен в паспорте национального проекта, где содержатся все важные аспекты проекта, включая его цели, задачи, ожидаемые результаты и механизмы реализации, позволяет говорить о нем как о правовом документе обязательного характера для всех участников. Национальные проекты России являются важным инструментом для достижения устойчивого развития и повышения качества жизни населения. Различные формы участия, такие как общественные обсуждения, консультации и мониторинг выполнения проектов, отражают его особенность не только как инструмента государственного управления, но и как площадку для взаимодействия власти и общества, что в конечном итоге способствует более эффективному решению социальных и экономических проблем.

Национальные проекты России представляют собой не просто комплекс стратегических инициатив, разработанных для решения ключевых социально-экономических задач, стоящих перед страной, а документ правового характера, отражающий особую государственную значимость и масштабность тех направлений государственного развития, в которых они разрабатываются и реализуются.

Таким образом, национальный проект можно рассматривать как новую форму (источник) права, поскольку он является правовым документом стратегического планирования и входит в состав единой нормативно-правовой базы. В рамках механизмов, обеспечивающих стратегическое развитие страны, такая форма права позволяет регулировать общественные отношения, определяя модели будущего развития в той или иной области.

Библиографический список:

1. Байтин, М.И. Сущность права : (Соврем. норматив. правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин; М-во образования Рос. Федерации. Саратов. гос. акад. права. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2001. – 413 с.

2. Кутузова, Н.С. Сущность и правовые аспекты национального проекта / Н.С. Кутузова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2021. – С.96–102. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-pravovye-aspekty-natsionalnogo-proekta> (дата обращения: 04.02.2025). – Текст : электронный.

3. Парасоцкая, М. А. Национальный проект как источник права // Правовой акт: из архаики в XXI век. Материалы Первой ежегодной международной научно-практической конференции. Сер. "Юбилей, конференции, форумы"; Под редакцией Ю.Н. Старилова, С.Н. Махиной. – Воронеж, 2021. – С.267-270.

Двоглазов Андрей Михайлович
Dvoeglazov Andrey Mikhailovich

студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Ивановский филиал

Павлов Александр Анатольевич
Pavlov Alexander Anatolyevich

Научный руководитель, канд.юрид.наук, доцент кафедры конституционного и
муниципального права,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Ивановский филиал

УДК 34

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

THEORETICAL ISSUES OF OPTIMIZING THE SYSTEM OF ASSESSING THE EFFICIENCY OF MUNICIPAL ENTITIES

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические аспекты оптимизации системы оценки эффективности деятельности муниципальных образований, что позволяет глубже понять механизмы и подходы, используемые для повышения результативности работы на местном уровне. А также была установлена необходимость модернизации системы оценки, с целью совершенствовать нормативную базу, регулирующую деятельность органов самоуправления.

Abstract. This article examines the theoretical aspects of optimizing the system of assessing the effectiveness of municipalities, which allows for a deeper understanding of the mechanisms and approaches used to improve the effectiveness of work at the local level. It also established the need to modernize the assessment system in order to improve the regulatory framework governing the activities of local governments.

Ключевые слова: местное самоуправление, Российская Федерация, показатель, муниципальное управление, объективная оценка, влияние органов.

Keywords: local government, Russian Federation, indicator, municipal government, objective assessment, influence of bodies.

Вопрос эффективности работы государственных органов всегда привлекал внимание власти и считается одной из ключевых задач реформы систем управления на государственном и муниципальном уровнях.

Постановка задачи оценки эффективности деятельности муниципальных органов становится все более актуальной, учитывая сложности, с которыми они сталкиваются на практике. Необходимость учета законодательной базы при проведении научных исследований в данной области становится ключевым фактором для объективности результатов. Важно иметь возможность оценить результаты работы муниципалитетов, несмотря на трудности цифрового подсчета. Эффективность деятельности местных органов власти является критически важным аспектом, на который необходимо обращать внимание при анализе их работы.

Понятие «эффективность» в контексте деятельности органов власти может быть интерпретировано по-разному в зависимости от контекста. Эффективность может быть определена как получаемый результат, продуктивность процесса, сравнение результатов работы системы управления со схожими системами, соответствие результатов поставленным целям, отношение достигнутого результата к общим бюджетным издержкам на его достижение. Подход к измерению эффективности муниципального управления включает три ключевых аспекта: ориентация на результат (осуществление необходимых мероприятий), взаимодействие с потребителями услуг, внутренняя организация работы (качество выполнения необходимых мероприятий).

На сегодняшний день в Российской Федерации было утверждено несколько нормативных актов, которые регулируют процесс оценки эффективности муниципального управления. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления осуществляется на основе различных показателей, определенных в ст. 18.1 Федерального закона от 06.03.2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6]. Указом Президента РФ от 28.04.2008 года № 607 [4] был установлен перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Изначально в этот список было предполагалось включить порядка 130 показателей, однако в итоговом документе осталось лишь 13 пунктов, поскольку не хватало необходимых инструментов для объективной оценки. В результате было принято решение о расширении списка показателей, основываясь на Постановлении Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 года № 1317 [3].

«При формировании показателей для оценки эффективности управления органами местного самоуправления необходимо учитывать пределы их полномочий и реальные возможности влиять на нормативно-определенные показатели» [1, с. 100]. На практике выяснилось, что не все показатели, определенные в основных и дополнительных перечнях для оценки эффективности местного самоуправления, соответствуют этим требованиям. В некоторых случаях влияние органов местного самоуправления на показатель нельзя считать решающим, а некоторые показатели вообще не зависят от усилий муниципальной власти. Например, сложно оценить влияние органов местного самоуправления на такие показатели, как доля выпускников муниципальных образовательных учреждений, не получивших аттестат о среднем образовании, или доля населения, занимающегося физической культурой и спортом. Кроме того, объективная оценка последнего показателя вообще недоступна.

Ученые также отмечают, что, например, «на уровень развития предпринимательской деятельности в муниципальном образовании огромное влияние оказывают внешние факторы и спорным следует признать тезис о том, что темпы развития малого бизнеса прямо зависят от объема выделяемых органами местного самоуправления бюджетных средств» [2, с. 27]. Также, верно подмечает И.М. Фатхуллина: «действительно, низкие показатели численности субъектов малого и среднего предпринимательства в городских округах в последние годы нередко обусловлены тем, что такие субъекты, работающие в сфере торговли, не выдерживают конкуренции с крупными розничными сетями» [5, с. 179].

Оценка эффективности местного самоуправления является важным инструментом для анализа качества деятельности органов власти на местном уровне. В основном, для проведения такой оценки используются количественные показатели, основанные на официальной статистике.

Однако, помимо количественных данных, важным критерием эффективности местного самоуправления является удовлетворенность населения своей работой. В настоящее время этот критерий не считается полностью объективным из-за ограниченности используемых параметров.

Так, основной фокус в оценке удовлетворенности населения сосредотачивается на транспортной системе, состоянии дорог и жилищно-коммунальных услугах. Однако, для полноты картины необходимо также учитывать мнение граждан о других аспектах, таких как образовательные и культурные услуги.

Для сбора данных об удовлетворенности проводятся опросы на официальных сайтах властей, однако такой подход не всегда является достаточно репрезентативным. Более того, отсутствует механизм информирования населения о необходимости участия в опросах, что также влияет на достоверность результатов.

Кроме того, установлены длительные сроки проведения опросов, что в конечном итоге может снизить актуальность полученных данных. Таким образом, для более объективной и полной оценки эффективности местного самоуправления необходимо учитывать разнообразные аспекты, улучшить методику сбора данных и сделать участие населения более информированным и обязательным.

Таким образом, анализ показывает, что система оценки эффективности местного самоуправления нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо исключить из нее показатели, зависящие от внешних факторов или не поддающиеся точной оценке. Кроме того, стоит улучшить методику определения уровня удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления - расширить критерии, использовать данные социологических опросов и сократить сроки получения результатов.

Библиографический список:

1. Волков, А.В. К вопросу об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов / А.В. Волков // Развитие экономики и предпринимательства в условиях экономических стратегий импортозамещения: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. В. И. Малышкова. – Москва, 2015. – С. 99-101.

2. Горцева, И.О. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления / И.О. Горцева // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер-2017. Сборник материалов Всероссийской конференция молодых исследователей. – 2017. – С. 26-30.

3. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 (ред. от 30.06.2021) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7490; 12.07.2021. № 28 (часть I). Ст. 5514.

4. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 (ред. от 11.06.2021) «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» // Собрание законодательства РФ. 05.05.2008. № 18. Ст. 2003; 14.06.2021. № 24 (Часть II). Ст. 4479.

5. Фатхуллина, И.М. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления / И.М. Фатхуллина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. Т. 17. – № 2. – С. 177-184.

6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822; 16.12.2024. № 51. Ст. 7865.

Алиев Ильви Вахид Оглы

Aliyev Ilvi Vahid Ogly

студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Ивановский филиал

Устименко Иван Валентинович

Ustimenko Ivan Valentinovich

Научный руководитель, канд.юрид.наук, заведующий кафедрой организации
правоохранительной деятельности и правового обеспечения национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Ивановский филиал

УДК 34

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ СОХРАННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THEORETICAL ISSUES OF LEGAL SECURITY OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Аннотация. В статье исследуются основные принципы и подходы к обеспечению правовой сохранности персональных данных, анализируются существующие законодательные акты в этой области, а также исследуются практические аспекты реализации мер по защите персональных данных в условиях цифровой трансформации. Авторы статьи также рассматривают роль государства и общества в обеспечении правовой сохранности персональных данных, предлагают рекомендации по совершенствованию законодательной базы и практики защиты персональных данных.

Abstract. The article examines the basic principles and approaches to ensuring the legal security of personal data, analyzes existing legislative acts in this area, and examines the practical aspects of implementing measures to protect personal data in the context of digital transformation. The authors of the article also consider the role of the state and society in ensuring the legal security of personal data, offer recommendations for improving the legislative framework and practice of protecting personal data.

Ключевые слова: персональные данные, физическое лицо, правовая защита, частная жизнь человека, цифровизация.

Keywords: personal data, individual, legal protection, human privacy, digitalization.

В современном мире, где цифровая трансформация играет все более значимую роль в различных аспектах жизни общества, вопросы правовой сохранности персональных данных становятся особенно актуальными. В условиях быстрого развития технологий и увеличения объема информации, которой обмениваются и хранят различные организации и государственные структуры, возникает необходимость в тщательном анализе и разработке эффективных механизмов защиты персональных данных.

В условиях интенсивного развития процесса цифровизации, затрагивающей, в том числе, сферу публичного управления, возникает необходимость в трансформации подходов к определению правовой природы и понятия персональных данных, а также в изменении отдельных элементов системы их правовой защиты. Отличительной чертой правового режима персональных данных в Российской Федерации является наличие специализированного законодательного акта, предметом регулирования которого выступают общественные отношения в сфере обработки персональных данных.

Правовой институт персональных данных играет ключевую роль в обеспечении защиты основных конституционных прав гражданина. Путем использования этого юридического механизма гарантируется предотвращение произвольного вторжения в личную жизнь личности и защита конфиденциальности. Определение персональных данных, представленное в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [6], определяет любую информацию,

связанную с определенным физическим лицом. По нашему мнению, важной особенностью данного определения является его неоднозначность.

М.Б. Добробаба, отмечает, что «персональный характер информации определяется атрибутом принадлежности указанных сведений конкретному человеку, однако заведомое ограничение субъектов персональных данных кругом физических лиц не устраняет вопроса о его расширении. Вопрос о возможности принадлежности персональных данных юридическому лицу является открытым, как минимум теоретически» [3, с. 44].

Конев С.И. замечает, что «избранный законодателем подход не позволяет решить данный вопрос положительным образом. Однако в системе российского законодательства присутствуют правовые нормы, защищающие информацию, имеющую ограниченный доступ, которая принадлежит личности юридического лица. К данной информации, в частности, можно отнести сведения об абонентах, которые являются юридическими лицами, в рамках законодательства о связи. Зарубежный опыт также свидетельствует о возможности отнесения юридических лиц к кругу субъектов персональных данных» [4, с. 88].

Дефиниция персональных данных, установленная законодательством РФ, является обобщенной, что на практике оставляет без ответа вопрос о том, какие именно данные могут быть отнесены к персональным. Вышеупомянутый Федеральный закон предоставляет возможность считать персональными данными любую информацию, чья правовая защита при обработке сведений о личности физического лица будет оправданной. В процессе судебной практики возникает проблема определения, является ли определенная информация персональными данными, так как это зависит от усмотрения суда. Данная ситуация представляет собой сложность для правоприменителей и может привести к различным толкованиям и проблемам в практическом правоприменении.

В обществе одним из наиболее очевидных средств идентификации физического лица является сочетание его фамилии, имени и отчества. Однако, в силу того, что существует множество людей с одинаковыми полными именами, необходимо обращаться к более детальным данным для идентификации конкретного человека. При таком подходе законодательная трактовка персональных данных приобретает контекстно ориентированный характер, что позволяет идентифицировать физическое лицо через множество взаимосвязанных сведений.

Так, Л. Амирова отмечает, что «непосредственно действия уполномоченных органов государственной власти, направленные на защиту персональных данных, не получили надлежащего правового регулирования. В законодательстве не установлен перечень конкретных правовых средств защиты, а также не конкретизированы полномочия властных субъектов» [1, с. 44]. И с данным мнением нельзя не согласиться.

Также В.И. Солдатова замечает, что «при отсутствии указания на характер сведений в отраслевом законодательстве правоприменителю следует определить способность конкретной информации идентифицировать личность физического лица. В этом случае сведения, относящиеся к персональным данным, обеспечивают возможность установления конкретной личности человека» [5, с. 28]. Опора на отдельные положения отраслевого законодательства является средством разрешения вопроса о содержании персональных данных. Например, нормы трудового и налогового законодательства содержат положения о том, какая информация может быть отнесена к персональным данным. Такие положения играют важную роль при определении необходимых сведений для заключения трудового договора и постановки на налоговый учет.

Развитие цифровых технологий в современном обществе порождает к необходимости пересмотра законодательства о персональных данных. Это связано с тем, что стандартные определения категорий не могут полностью охватить изменчивые особенности цифровой среды. Цифровизация современного мира расширяет возможности человека в общественном взаимодействии, что приводит к увеличению обработки его личной информации. Следовательно, законодателям предстоит четко определить, какие данные могут быть общедоступны, а какие подлежат ограниченному доступу.

В сфере обработки персональных данных предусмотрена административная ответственность. Она может выражаться в виде предупреждения или наложения административного штрафа за неправомерное использование информации, не соответствующее целям её сбора или действующее без предварительного письменного согласия субъекта данных. Однако следует отметить, что часто возникают затруднения в четком разграничении между информацией о частной жизни человека и его персональными данными.

Отметим, что на наш взгляд, проблема соотношения сведений о частной жизни человека и его персональных данных до сих пор не получила однозначного решения ни в российском законодательстве, ни в юридической доктрине. Динамика развития современных общественных отношений свидетельствует о размывании границ между этими явлениями. Развитие информационно-коммуникационных технологий ограничивает возможности четкого разграничения сведений о частной жизни человека и его персональных данных, а также права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных. Анализ данной проблематики начинается с понятийного анализа рассматриваемых терминов. Наличие недостатков в определении персональных данных и отсутствие точного нормативного содержания перечня сведений о личности требуют обращения к этим проблемам через доктринальный анализ.

В юридической науке широко распространен подход, согласно которому право на неприкосновенность частной жизни и защита персональных данных рассматриваются как взаимосвязанные концепции. В зарубежных правовых системах обычно рассматривается защита персональных данных как часть правовой охраны частной жизни личности. Таким образом, защита персональных данных играет роль института, обеспечивающего неприкосновенность частной жизни.

Однако важно отметить, что не вся информация о личной жизни человека может считаться персональными данными. Следовательно, не все данные о частной жизни автоматически подпадают под правовую защиту.

Таким образом, установленный законодательством Российской Федерации режим защиты персональных данных имеет неравномерное распределение правовой защиты для различных видов информации, относящейся к персональным данным. Широкий объем сведений, подпадающих под понятие «персональные данные», оставляет значительное пространство для толкования законов при урегулировании соответствующих правовых споров. Что в последствии приводит к отсутствию единообразного толкования правоприменительной практики. В условиях цифровизации общества также возникает потребность в расширении области действия режима защиты персональных данных на всех участников общественных отношений. Поэтому необходимо провести анализ и внести изменения в законодательство, чтобы обеспечить более полное и эффективное правовое регулирование в сфере использования персональных данных.

Библиографический список:

1. Амирова, Л. Об отзыве согласия на обработку персональных данных / Л. Амирова // Юрист ВУЗа. – 2023. – № 1. – С. 43-45.
2. Былевский, П.Г. Пользовательские и персональные данные: анализ рисков «извлечения знаний» / П.Г. Былевский // Вопросы защиты информации. – 2023. – № 1 (140). – С. 35-40.
3. Добробаба, М.Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности / М.Б. Добробаба // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 2 (102). – С. 42-52.
4. Конев, С.И. Профилактика нарушений обязательных требований в области обработки персональных данных / С.И. Конев // Закон и право. – 2023. – № 5. – С. 86-89.
5. Солдатова, В.И. Новые законодательные меры по защите персональных данных. / В.И. Солдатова // Право и экономика. – 2023. – № 3 (421). – С. 25-30.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Российская газета. № 165. 29.07.2006; № 178. 13.08.2024.

Никифоров Андрей Владимирович
Nikiforov Andrey Vladimirovich

Студент 3 курса магистратуры (направление подготовки «Юриспруденция»), г. Иваново,
e-mail: Nik28289@mail.ru

Кафиатулина Алла Владимировна
Kafiatulina Alla Vladimirovna

Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Ивановского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук

УДК 34

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE QUESTION OF THE OBJECT OF UNLAWFUL IMPACT ON THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В данной статье внимание уделено одному из наиболее дискуссионных составов преступления, имеющих место в Уголовном Кодексе Российской Федерации — неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Актуальность его изучения обусловлена высокой важностью безопасности компьютерных данных в современном мире. Вместе с тем, на сегодняшний день среди исследователей и правоприменителя отсутствует единодушие по поводу того, что считать объектом данного преступления, в то время как именно объект в наибольшей мере характеризует опасность совершаемого деяния. Автором предпринята попытка обобщить положения доктрины российского уголовного права и мнения правоведов относительно того, что следует понимать под объектом неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, и предложить собственные его трактовки.

Abstract. This article focuses on one of the most controversial elements of the crime in the Criminal Code of the Russian Federation - unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation. The relevance of its study is due to the high importance of computer data security in the modern world. At the same time, today there is no unanimity among researchers and law enforcement officers regarding what should be considered the object of this crime, while it is the object that most characterizes the danger of the committed act. The author has attempted to summarize the provisions of the doctrine of Russian criminal law and the opinions of legal scholars regarding what should be understood as the object of unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation, and to offer his own interpretations.

Ключевые слова: уголовное право, объект преступления, общественная безопасность, критическая инфраструктура РФ, безопасность компьютерной информации, сохранность компьютерных данных

Keywords: criminal law, object of crime, public safety, critical infrastructure of the Russian Federation, computer information security, safety of computer data

Интеграция отечественных информационных, коммуникационных и других кибернетических сетей, и систем в глобальную информационную архитектуру, использование иностранного программного обеспечения, поставка импортных комплектующих для компьютерной техники, а также продолжающееся противоправное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (далее — КИИ) Российской Федерации и информационную инфраструктуру российского общества создают новые риски для информационной и общей безопасности нашего государства.

Повреждение информационной составляющей КИИ в силу ее значимости как проводника между государственной инфраструктурой и другими государственными отраслями может привести к катастрофическим социально-экономическим потерям, которые неизбежно затронут и эти отраслевые объекты. Угрозу представляют неправомерные воздействие отдельных лиц, социально-психологических групп, организаций и иностранных государств в лице их специальных служб на

жизненно важную информационную инфраструктуру Российской Федерации в противоправных, криминальных, террористических, военных, рейдерских, дискредитирующих и иных целях.

В отличие от киберинцидентов, затрагивающих отдельных пользователей и организаций, компьютерные атаки на КИИ РФ представляют особую общественную опасность. Так, за 2023 год число противоправных деяний в этой сфере увеличилось на 29,7%, достигнув 177 случаев¹³. Это в первую очередь связано с ростом геополитической напряженности, которая пропорционально влияет на объемы и растущую сегодня сложность кибератак – появляются новые и новые формы неправомерного воздействия на КИИ РФ, направленные против государственных органов. Развязанная против России кибервойна уже переросла в полномасштабную национальную угрозу.

Необходимость обеспечения безопасности КИИ РФ, ее устойчивости к проводимым компьютерным атакам потребовала формирования института ответственности за совершенные преступления против информационной безопасности КИИ и информации, обрабатываемой в КИИ. В этом отношении своевременным и важным явилось принятие Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее Закон № 187-ФЗ), в соответствии с которым «государственные учреждения и организации должны провести работу по оценке и категорированию своих информационных инфраструктур, обеспечить установленный стандартами уровень их программно-технической защиты, а также должны отчитываться об инцидентах уполномоченному ведомству и проходить оценку безопасности»¹⁴.

Понимая ценность защиты критической информационной инфраструктуры, законодатель признал посягательства и неправомерное воздействие на нее уголовно наказуемыми. Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹⁵, была внесена статья 274.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ), предусматривающая ответственность за неправомерное воздействие на КИИ РФ. Криминализация деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 274.1 УК РФ, направлена на охрану отношений в сфере обеспечения устойчивости функционирования КИИ РФ, использования компьютерной информации, содержащейся в КИИ, противодействия компьютерным атакам на КИИ, т.е. обеспечения информационной безопасности КИИ уголовно-правовыми средствами.

В соответствии с тем, что неправомерное воздействие на КИИ РФ является уголовно наказуемым деянием, к тому же, представляет собой некоторую новеллу отечественного законодательства, целесообразно обратиться к изучению состава данного преступления.

Состав преступления – это «система предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление»¹⁶.

Состав преступления подразделяется на следующие элементы:

– объект преступления – «социальные ценности (общий, родовой, видовой, непосредственный), жизнь, здоровье, интересы и блага, а также общественные отношения или общественный порядок, которым причиняется какой-либо ущерб»¹⁷;

– объективная сторона преступления – «признаки, которые характеризуют внешнее проявление преступления в реальной действительности (действия или бездействия, последствия преступления, причинная связь между ними, способ, средства, место, время и обстановка совершения преступления)»¹⁸.

– субъективная сторона преступления – «внутреннее психическое отношение лица к

¹³ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://41.rkn.gov.ru/>. (25.11.2024)

¹⁴ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Российская газета. № 167. 31.07.2017; № 155. 17.07.2023.

¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ // Российская газета. № 167. 31.07.2017.

¹⁶ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 117.

¹⁷ Карабанова Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 77.

¹⁸ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: «Инфра-М», 2010. С. 84.

совершенному им общественно опасному деянию (умысел или неосторожность, вина, цель, мотив)»¹⁹.

– субъект преступления – «физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, совершившее общественно опасное деяние и способное нести за это ответственность»²⁰.

Таким образом, состав преступления представлен набором характеризующих его признаков. Их совокупность позволяет привлечь виновного лица к уголовной ответственности. Отсутствие хотя бы одного из элементов означает отсутствие состава преступления.

В настоящей статье исследовательское внимание обращено на объект преступления, вокруг которого не утихают научные дискуссии — как по поводу его содержания, так и относительно рабочей для правоприменителя формулировки непосредственного объекта.

Указанное выше связано с тем, что конструкция ст. 274¹ УК РФ имеет сложную структуру, так как объединяет «несколько составов преступлений, уже известных уголовному закону, зачастую такой прием законодательной техники присущ способу описания квалифицирующих признаков, но не самостоятельной норме»²¹. В статье предусмотрена уголовная ответственность за три противоправные формы посягательства на объекты КИИ: «неправомерный доступ; создание и распространение вредоносного программного обеспечения; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации»²². А также ст. 274¹ УК РФ имеет отягчающие ответственность обстоятельства (ч.ч. 4 и 5).

Обращение к содержанию законодательства, обусловлено бланкетным характером диспозиций ст. 274¹ УК РФ, «конструкция которой, с одной стороны, заимствует из Закона № 187-ФЗ понятия, используемые для описания посягательств, а с другой – сохраняет преемственность в приемах описания вариантов объективной стороны в сравнении с составами преступлений, предусмотренных предшествующими по времени появления статьями главы 28 УК РФ»²³. Указанные факторы, свидетельствуют о том, что объект уголовно-правовой охраны, нашедший отражение в ст. 274¹ УК РФ, по своему объему является гораздо большим, нежели конкретная характеристика функционирования КИИ РФ, признанная охраняемой ценностью в законодательстве – устойчивость КИИ РФ при проведении в отношении нее компьютерных атак.

На сегодняшний день, в отечественной теории уголовного права нет единого мнения по поводу объекта преступления предусмотренного ст. 274¹ УК РФ. Так, соглашаясь с мнением многих, Е.А. Рускевич пишет, что «объектом преступлений, предусмотренных ст. 274¹ УК РФ, выступает безопасность КИИ РФ, то есть состояние ее защищенности от любого воздействия программными или программно-техническими средствами, которое способно привести к нарушению ее функционирования и (или) нарушению безопасности обрабатываемой ею информации»²⁴. Такое определение объекта имеет существенный недостаток – оно неинформативно: безопасность КИИ является объектом посягательства. Аналогичным образом можно утверждать, что объектом хищения стиральной машины является ее безопасность. Однако, отечественная теория уголовного права требует более подробного и точного объяснения на этот счет. Это не означает, что безопасность объектов КИИ нарушается во время совершения расследуемого преступления.

Вопрос об объекте преступления неправомерного воздействия на КИИ РФ нельзя упрощенно сводить к их безопасности, он гораздо более сложен и предполагает раскрытие содержания тех общественных отношений, которые самим своим существованием обязаны возникновению и функционированию соответствующих объектов. Вместе с тем надо отметить, что данная позиция поддерживается и другими специалистами. В этом же ключе в своей монографии Р.Р. Гайфутдинов

¹⁹ Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: 12.00.08: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. С. 193.

²⁰ Степанов-Егиянц В.Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): 12.00.08: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2016. С.127.

²¹ Комаров А.А. Отдельное мнение относительно законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2019. № 3. С. 157.

²² Комаров А.А. Указ. соч. С. 157.

²³ Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / А.Ф. Абдулвалиев и др. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021.С. 89.

²⁴ Рускевич Е.А., Чекунов И.Г. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Уголовное право. 2022. № 5. С. 27.

обосновывает, что «непосредственным объектом преступления, предусмотренные ст. 274¹ УК РФ является безопасность критической компьютерной информации»²⁵.

Еще более неоднозначный подход в определении объекта исследуемого преступления предлагает Ю.В. Трунцевский: «объектом данного преступления выступают общественные отношения по обеспечению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в вышеуказанных системах, а также правил доступа к указанным объектам»²⁶. Нельзя согласиться с такой дефиницией объекта преступления, предусмотренного ст. 274¹ УК РФ, сами объекты КИИ РФ, не могут быть объектом преступления. Такая трактовка противоречит доктрине российского уголовного права в рамках соотношения объекта и предмета преступления.

По мнению Р.И. Дремлюги, объектом преступления, предусмотренного ст. 274¹ УК РФ, являются «общественные отношения в сфере цифровой экономики и информационного общества по поводу безопасности объектов информационной инфраструктуры, имеющих критическое значение»²⁷.

Содержание объекта исследуемого преступления может быть успешно раскрыто только с учетом положений Закона № 187-ФЗ и обстоятельств, приведших к принятию данного нормативного акта. В пояснительной записке к проекту этого закона было указано, что его принятие обусловлено «осуществляемым в Российской Федерации переходом к информационному обществу, при котором подавляющее большинство систем принятия решений и бизнес-процессов в ключевых отраслях экономики и сфере государственного управления реализуются или планируются к реализации с использованием информационных технологий. В информационных системах хранятся и обрабатываются значительные объемы информации, в том числе касающейся вопросов государственной политики и обороны, финансовой и научно-технической сферы, частной жизни граждан. Одновременно информационные технологии повсеместно внедряются при построении автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами, используемых в топливно-энергетическом, финансовом, транспортном и других секторах критической инфраструктуры Российской Федерации»²⁸.

В соответствии положения со ст. 1 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», то под объектом преступления, предусмотренного ст. 274¹ УК РФ можно понимать «общественные отношения, непосредственно связанные с построением и развитием в России информационного общества, цифровой экономики и электронного правительства»²⁹. Исходя из этих определений, А.А. Лысов, А.В. Яковлев и А.Л. Ключкова отмечают, что «данный подход к определению объекта неправомерного воздействия на КИИ РФ, выявляет его содержание: объектом рассматриваемого преступления выступают не правила, регламентирующие функционирование объектов КИИ, не безопасность, которая важна, а непосредственно те социальные связи, которые уже сложились и продолжают развиваться на основе формирования в РФ информационного общества, цифровой экономики и электронного правительства»³⁰. Безусловно, можно согласиться с данным определением объекта преступления в целом, связанным с преступлениями в сфере компьютерной информации, но оно не является определением объекта для ст. 274¹ УК РФ.

При анализе ст. 274¹ УК РФ нами отмечено, что ее объект – это нормальное функционирование элементов КИИ РФ, не конкретные характеристики функционирования элементов КИИ (к примеру, устойчивость работы), а состояние их нормальной работы в целом. При этом для квалификации содеянного по ч. 2 и 3 ст. 274¹ УК РФ достаточно установить факт причинения любого вреда элементу

²⁵ Гайфутдинов Р.Р. Квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: монограф. М., 2019. С. 74.

²⁶ Трунцевский Ю.В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 99.

²⁷ Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение. М: Юрилитинформ, 2022. С. 136.

²⁸ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023).

²⁹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203.

³⁰ Лысов А.А., Яковлев А.В., Ключкова А.Л. Гистерезис понятия «компьютерная информация» в уголовном законодательстве Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 1(140). С. 133.

КИИ РФ, пусть даже и не влияющего на устойчивость его работы.

А.В. Наумов считает, что «объектом преступления является охраняемая ценность – конкретная характеристика функционирования КИИ РФ, ее безопасность, под которой понимается состояние устойчивости элементов КИИ при проведении в отношении них компьютерных атак»³¹.

Таким образом, по нашему мнению, объектом преступлений, предусмотренных ст. 274¹ УК РФ, является нормальная работа объектов КИИ РФ функционирующих в любой сфере деятельности государства и общества, а также их безопасность и сохранность.

При относительном единогласии по поводу родового и видового объекта преступлений, наибольшие дискуссии в научном сообществе вызывает вопрос определения непосредственного объекта состава преступления. Так, по мнению М.А. Ефремовой «непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 274¹ УК РФ являются охраняемые законом права и интересы собственников (владельцев) компьютерной информации в сфере безопасной обработки, распространения, защиты компьютерной информации, а также безопасного функционирования компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и иных средств создания, использования, распространения компьютерной информации относящихся к КИИ РФ»³².

К.Н. Евдокимов под непосредственным объектом преступления по ст. 274¹ УК РФ понимает «охраняемые законом права и интересы собственников (владельцев) компьютерной информации в сфере ее безопасного обращения, а также безопасного функционирования соответствующих технических устройств, относящихся к КИИ РФ»³³.

Особенностью содержания непосредственного объекта неправомерного воздействия на КИИ РФ является его крайняя неоднородность. Принимая во внимание, что неправомерное воздействие на объекты КИИ РФ может касаться отношений, связанных с эксплуатацией автоматизированных систем в различных сферах и отраслях экономики, говорить о каком-либо строго определенном факультативном объекте просто невозможно. Если все же попытаться выразить такой объект некой цельной конструкцией, полагаем, что будет правильным определить его как совокупность общественных отношений, обеспечивающих охраняемые законом интересы личности, общества и государства. Так, к непосредственному объекту относятся: «основы конституционного строя, государственную и общественную безопасность, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, экономическую деятельность, различные конституционные права и свободы граждан, жизнь и здоровье человека; свобода, честь и достоинство личности, тайна частной жизни и многое другое»³⁴.

Итогом настоящего исследования можно считать следующее.

Во-первых, констатируем, что на сегодняшний день среди исследователей отсутствует единогласие по поводу того, что можно считать объектом неправомерного воздействия на КИИ РФ. Это связано как со сложностью конструкции состава преступления, так и с его новизной. Влияние имеет и относительно небольшое количество правоприменительной практики по ст. 274¹ УК РФ.

Во-вторых, исследовав доктрину российского уголовного права и мнения авторитетных ученых в области юриспруденции, мы можем предложить следующие трактовки понятий, связанные с объектом изучаемого противоправного действия. Родовым объектом рассматриваемого преступления выступает общественная безопасность и общественный порядок, видовым объектом – общественные отношения по поводу охраняемых уголовным законом интересов в области безопасности создания, использования, распространения и защиты компьютерной информации, информационных ресурсов, информационных систем и технологий. В качестве непосредственного объекта рассматриваемого деяния выступают общественные отношения, связанные с обеспечением целостного состава и сохранности компьютерных данных. С учетом того, что функционирование объектов КИИ возможно в разнообразных отраслях, исследователи предлагают несколько подходов к определению того, что может выступать в роли объекта противоправного посягательства. Предполагается, что в качестве последнего могут выступать правоотношения, нацеленные на соблюдение безопасности КИИ как

³¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Проспект, 2020. С. 159.

³² Ефремова М.А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2022. Т.13. № 4. С. 45.

³³ Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2021. С. 307.

³⁴ Непомнящая Т.В., Гринберг М.С. Уголовное право России. Общая часть. М.: Проспект, 2020.С. 89.

комплекса объектов повышенной государственной значимости.

Библиографический список:

1. Гайфутдинов, Р.Р. Квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: монография / Р.Р. Гайфутдинов. – Москва: НАУКА. 2019. – 241 с.
2. Дремлюга, Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение / Р.И. Дремлюга. – Москва: Юрилитинформ, 2022. – 328 с.
3. Евдокимов, К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2021. – 557 с.
4. Ефремова, М.А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / М.А. Ефремова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. – № 4 (50). – С. 86-92.
5. Карабанова, Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е.Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 70-81.
6. Комаров, А.А. Отдельное мнение относительно законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» / А.А. Комаров // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2019. – № 3. – С. 155-156.
7. Лопатина, Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: 12.00.08: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. – 328 с.
8. Лысов, А.А., Гистерезис понятия «компьютерная информация» в уголовном законодательстве Российской Федерации / А.А. Лысов, А.В. Яковлев, А.Л. Ключкова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 1(140). – С. 132-135.
9. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. – Москва: Проспект, 2020. – 784 с.
10. Непомнящая, Т.В. Уголовное право России. Общая часть / Т.В. Непомнящая, М.С. Гринберг. – Москва: Проспект, 2020. – 448 с.
11. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://41.rkn.gov.ru/>.
12. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / А.Ф. Абдулвалиев и др. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. – 376 с.
13. Рускевич, Е.А. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / Е.А. Рускевич, И.Г. Чекунов // Уголовное право. – 2022. – № 5. – С. 27-28.
14. Степанов-Егиянц, В.Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): 12.00.08: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2016. – 296 с.
15. Трунцевский, Ю.В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов / Ю.В. Трощинский // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 99-106.
16. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 664 с.
17. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – Москва: Инфра-М, 2010. – 730 с.
18. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
19. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Российская газета. № 167. 31.07.2017; № 155. 17.07.2023.

20. Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Российская газета. № 167. 31.07.2017.

Никифоров Андрей Владимирович
Nikiforov Andrey Vladimirovich

Студент 3 курса магистратуры (направление подготовки «Юриспруденция»), г. Иваново
e-mail: Nik28289@mail.ru

Кафиатулина Алла Владимировна
Kafiatulina Alla Vladimirovna

Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Ивановского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук

УДК 34

ОПЫТ США И ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ В ОБЛАСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ: КЕЙС-СТАДИ

EXPERIENCE OF THE USA AND INDIVIDUAL EUROPEAN STATES IN THE FIELD OF REGULATORY REGULATION OF UNLAWFUL IMPACT ON CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE: CASE STUDY

Аннотация. В статье предпринимается попытка изучить и проанализировать зарубежный опыт в рамках борьбы с неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру с целью обнаружения возможных направлений совершенствования российского законодательства в указанной сфере. Исследуются нормы законодательства США, Великобритании и Франции. Автором выдвигаются некоторые предложения относительно, что из изученного может быть полезно для российской системы права в целях защиты критически важных информационно-коммуникационных систем.

Abstract. The article attempts to study and analyze foreign experience in the fight against unlawful impact on critical information infrastructure in order to identify possible areas for improving Russian legislation in this area. The norms of the legislation of the USA, Great Britain and France are studied. The author puts forward some suggestions regarding what from the studied material can be useful for the Russian legal system in order to protect critical information and communication systems.

Ключевые слова: критическая инфраструктура РФ, зарубежный опыт, безопасность компьютерной информации, кибератаки, США, Великобритания, Франция

Keywords: critical infrastructure of the Russian Federation, foreign experience, computer information security, cyber attacks, USA, Great Britain, France

Защита информационно-коммуникационных систем, критичных для функциональной целостности социально-экономических структур, представляет собой меру, узаконенную не исключительно в российской юриспруденции, подобные нормы встречаются во множестве современных правовых доктрин разных стран.

Как отмечает Е.А. Русскевич «познание опыта зарубежных стран в противодействии таким преступлениям позволяет не только обогатить отечественную науку, но и критически осмыслить национальное законодательство, выявить его слабые и сильные стороны, указать на очевидные проблемы, а также предложить наиболее правильные пути их разрешения. Не менее важным является и то, что отчетливое понимание особенностей установления и реализации ответственности за компьютерные и компьютеризированные преступления является неременным условием эффективного взаимодействия с правоохранительными органами и правовыми системами других государств»¹.

Так, с целью познания опыта зарубежных стран и возможного заимствования положительных аспектов такого опыта в настоящей статье будут рассмотрены одни из наиболее развитых стран мира — США и ведущие страны Европы. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. В его рамках активно используется

¹ Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 44.

анализ и синтез, которые помогают разделять сложные явления на отдельные элементы, исследовать их взаимосвязи, составлять собственные выводы и умозаключения из полученной извне информации. Среди частно научных методов были применены: логический метод, чтобы изложить весь материал, дать рекомендации и сделать итоговые выводы; метод кейс-стади, чтобы осуществить изучение особенностей и сложностей каждого конкретного государства в рамках борьбы с киберпреступлениями; сравнительный метод, чтобы сопоставить опыт в сфере кибербезопасности различных государств.

Соединенные Штаты Америки (далее — США), пожалуй, были и являются ведущей страной в активном продвижении концепции обеспечения безопасности объектов КИИ как элемента обеспечения национальной безопасности в целом. Этому способствовало то обстоятельство, что США довольно рано столкнулись с организованными кибератаками на объекты КИИ, и это позволило выявить проблему уязвимости страны по отношению к таким инцидентам.

Учитывая, что большая часть критически важных инфраструктур в США находится в частной собственности, с самого начала акцент был сделан на необходимости построения эффективного государственно-частного партнерства, чтобы обеспечить обмен информацией для эффективного реагирования и защиты от кибератак.

С середины 1980-х годов в США начали принимать законы, связанные с обеспечением безопасности объектов КИИ. Уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки, относящееся к противодействию киберпреступности, заслуживает особого внимания. Оно вобрало в себя обширный объем информации и детально раскрывает методы борьбы с преступлениями, совершаемыми через компьютерные информационные технологии. В США в 1991 г. происходит начало правового регулирования в области создания и использования информационной инфраструктуры, первым был принят Закон о высокопроизводительных вычислениях, главная цель которого – наладить сотрудничество между промышленностью, научными кругами, потребителями и правительством, чтобы предоставить гражданам доступ к разнообразной информации и информационным услугам, а также к использованию передовых телекоммуникационных и информационных технологий.

Так «ответственность за неправомерный доступ к компьютеру, компьютерной системе или компьютерной информации, которые могут быть отнесены к так называемой критической информационной инфраструктуре, предусмотрена §1030 Свода законов США. Данное преступление относится к категории так называемых федеральных преступлений. На уровне сводов законов отдельных штатов выделяются главы о киберпреступлениях (глава 16 Свода законов штата Южная Каролина, глава 815 Свода законов штата Флорида, глава 41 Свода законов штата Арканзас и др.), в рамках которых преступлениями преимущественно признаются неправомерный доступ к компьютерной информации, неправомерная модификация компьютерной информации, создание и распространение в любой форме компьютерной информации, которая заведомо предназначена для совершения преступлений, неправомерное распространение информации о сетевых идентификаторах»².

Также для борьбы с киберпреступлениями, в том числе и неправомерного воздействия на критическую инфраструктуру, в США разработано большое количество стратегий:

– в 2003 г. «Первая национальная стратегия кибербезопасности», предусматривающая три стратегические цели национальной безопасности киберпространства: «предотвращение кибератак на национальные критические инфраструктуры; снижение национальной уязвимости к кибератакам; минимизация ущерба и времени восстановления систем от кибератак»³. Для их достижения были определены пять национальных приоритетов: «технологическое обеспечение федеральных компьютерных систем и сетей; разработка системы реагирования; разработка программы по сокращению угроз и уязвимостей; инициирование программы повышения осведомленности граждан и их обучения кибербезопасности; развитие системы международного сотрудничества»⁴.

– в 2003 г. была принята Национальная стратегия физической защиты критических инфраструктур и ключевых активов. В ней раскрыты понятие «критическая инфраструктура страны» и ее угрозы. В соответствии с этим документом критическая инфраструктура США включает 16

² Кодекс США, часть I - Преступления: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>. (02.12.2024)

³ Жарова А.К. Теоретические основания правового регулирования создания и использования информационной инфраструктуры Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.13. Москва, 2020. С. 29.

⁴ Там же.

секторов, в том числе: химические объекты; коммерческие объекты; связь; критическое производство; плотины; оборонная промышленная база; службы спасения; энергетическая промышленность; финансовые услуги; продовольствие и сельское хозяйство; государственные учреждения; здравоохранение; информационные технологии; ядерные реакторы, материалы и отходы; транспортные системы; водные ресурсы и сточные воды»⁵.

– в 2010 г. принята «Стратегия национальной безопасности», в которой определены «требования по обеспечению национальной безопасности США, связанной с защитой от киберугроз и представлено новое видение характеристик киберугроз; актуальные угрозы смещены от негосударственного терроризма к спонсируемым враждебными государствами видами деятельности»⁶. В целях реализации данной Стратегии определены следующие области информационной безопасности: защита критической информационной инфраструктурой и укрепление киберэкосистемы»⁷.

– в 2018 г. принята новая стратегия кибербезопасности, в ней указано, что «на национальном уровне, повысить безопасность и устойчивость в государственных сетях и критически важной инфраструктуре; снизить незаконную киберактивность; улучшить государственное реагирование на киберинциденты; создать безопасную и надежную киберэкосистему посредством унифицированного ведомственного подхода, сильного лидерства и тесного партнерства с другими федеральными и нефедеральными структурами. В качестве угроз в данной стратегии отнесено использование прокси и других технологических методов, стирающих национальные границы в Интернет»⁸.

В США на законодательном уровне было принято более 50 законов, связанных с кибербезопасностью. Выработать согласованную стратегию и скоординировать усилия в этой области сложно из-за отсутствия рамочного документа, который бы охватывал и систематизировал защиту. Сохранение определенных отраслевых интересов является основным акцентом текущих законодательных инициатив, что приводит к различиям в понимании основ и приоритетов.

Обеспечение защиты критических информационных инфраструктур в США впоследствии было реализовано во «Всеобъемлющей инициативе по национальной кибербезопасности» (CNCI), в которой предложено 12 инициатив, наиболее важными из которых являются: «совершенствование защиты федеральных систем и повышение безопасности сетей закрытой связи; уточнение федеральной роли в защите критической инфраструктуры; улучшение координации исследований; установление приоритетов в области обмена информацией и повышения осведомленности в области кибербезопасности»⁹.

В 2014 году в США были приняты законодательные изменения, направленные на повышение кибербезопасности критической инфраструктуры, которые включают в себя руководящие принципы, практики и добровольные стандарты для частного сектора, помогающие защитить критическую инфраструктуру и обеспечивающие подход, основанный на оценке рисков.

В *Великобритании* свою позицию о законодательном регулировании кибербезопасности правительство отразило в резолюции A/72/65 Генеральной Ассамблеи ООН, определив три тенденции: «злонамеренная киберактивность; растущее использование Интернета и других технологий для достижения так называемых гибридных атак; кумулятивный, дестабилизирующий эффект постоянного, более низкого воздействия проведения кибератак, которые спонсируются враждебным государством»¹⁰.

Закон «Computer Misuse Act 1990» – является базовым «цифровым» уголовным актом Великобритании (далее – Закон). Следует отметить, что «проблемы развития законодательства Великобритании в цифровой сфере подробно рассмотрены в специальных источниках информации»¹¹.

Статьей 1 Закона предусмотрено наказание за несанкционированный доступ к компьютерным материалам. «Указанную норму можно рассматривать в качестве основного преступления, так как зачастую оно предшествует совершению других, более серьезных преступлений. Преступление считается оконченным с момента, как лицо включило компьютер для получения санкционированных

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Жарова А.К. Указ. соч. С. 33.

⁸ Русскевич Е.А. Указ. Соч. С. 122.

⁹ Русскевич Е.А. Указ. Соч. С. 134.

¹⁰ Kemp R. IT law in the UK: Looking back on 2007 and ahead to 2009 // Computer Law & Security Review. 2008. № 6 (24). P. 473.

¹¹ Там же. С. 474.

материалов. Насколько ему удалось реализовать свой умысел, значения не имеет. Норма является общей, поэтому умысел злоумышленника не должен быть направлен на какую-либо конкретную информацию, данные или программу, хранящиеся на компьютере»¹².

Доступ является несанкционированным, если лицо не имеет права или не получило согласия на такой доступ. Понимание британским правоприменителем содержания несанкционированного или неавторизованного доступа аналогично тому, что дается в «Европейской конвенции по борьбе с киберпреступностью»¹³. Эта норма применяется к государственным служащим, которые превысили свои полномочия и получили информацию, к которой не имели права доступа. Палата лордов сочла, что «сотрудник явно подпадает под положения ст. 1 Закона о неправомерном использовании компьютера, поскольку преднамеренно получил доступ, на который не имел права. При этом было установлено, что работник будет виновен в правонарушении только в том случае, если работодатель четко определил пределы полномочий работника на доступ к программе или данным»¹⁴.

За несанкционированный доступ с целью совершения или содействия совершению новых преступлений ответственность предусмотрена ст. 2 Закона. Такой доступ также является подготовительным этапом при совершении иного (нового) преступления. «Лицо может быть признано виновным в совершении преступления, даже если совершение основного преступления невозможно (ч. 4 ст. 2). Человек, признанный невиновным по ст. 2 или 3 Закона судом присяжных, может быть осужден за преступление по ст. 1»¹⁵.

Статьей 3 Закона регулируется ответственность за «несанкционированные действия в отношении компьютерных систем с целью нанесения ущерба или по неосторожности. Лицо признается виновным в совершении преступления, если совершает любое несанкционированное действие, в том числе и получает доступ к данным. К ответственности по ст. 3 привлекаются также лица, виновные в совершении DDoS-атак»¹⁶. Формально-юридический и системно-логический анализ данной нормы позволяет заключить, что она представляет собой квалифицированный состав преступления, связанный с посягательством на объекты КИИ. В отечественной теории уголовного права справедливо отмечается, что указанная норма тождественна по своей сути ст. 274.1 УК РФ.

Статьей 3 ZA Закона предусмотрена ответственность «за несанкционированные действия, вызывающие или создающие риск серьезного ущерба. Указанная норма направлена для пресечения посягательств на объекты критически важной национальной инфраструктуры (в зависимости от мотивов исполнителя также может быть применено антитеррористическое законодательство)»¹⁷. Полагаем, что рассматриваемая норма тождественна по своей сути ст. 274.1. УК РФ.

Статья 3A Закона устанавливает ответственность за «деяния, сопряженные с неправомерным использованием цифровых технологий, то есть преступлений, предусмотренных ст. 1, 3 или 3 ZA»¹⁸. Указанная норма представляется частично тождественной ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» УК РФ. Кроме того, рассматриваемая статья хорошо коррелируется с предложениями об установлении ответственности за незаконные действия с информацией, заведомо добытой преступным путем. Так, ответственности подлежат лица, производящие или поставляющие «вредоносные программы». «Для привлечения к ответственности по данной норме необходимо обязательное установление умысла на совершение преступления. Сами по себе указанные деяния, без преступного умысла, не криминализированы»¹⁹.

В законодательстве Великобритании также отражены обязательные для инкорпорирования в национальное законодательство положения Европейской Конвенции по борьбе с

¹² Хисамова З.И. Международный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2018. С. 61.

¹³ Convention on Cybercrime (ETS № 185): Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680081561>. (03.12.2024)

¹⁴ Computer Misuse: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/computer-misuse-act-1990>. (03.12.2024)

¹⁵ Хисамова З.И. Международный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2018. С. 88.

¹⁶ Computer Misuse: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/computer-misuse-act-1990>. (03.12.2024)

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Хисамова З.И. Указ. соч. С. 88.

киберпреступностью²⁰ и Директивы Европейского парламента, и Совета Европейского Союза²¹. В России Конвенция на сегодняшний день не ратифицирована.

Таким образом, поскольку Великобритания приняла и эффективно применяет нормы уголовного права в области киберпреступности, в настоящее время существует определенная организованная система, гарантирующая безопасность отношений в цифровой сфере. Мы считаем, что гибкость и прецедентное право англосаксонского законодательства дают уникальное преимущество в контексте происходящих изменений и трансформаций в правовом взаимодействии в сфере критической информационной инфраструктуры государства. Тем не менее, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что и в британском, и в российском уголовном законодательстве есть положения, адекватно реагирующие на новые незаконные вторжения в информационную структуру страны.

Во Франции уголовная ответственность за компьютерные преступления предусмотрена в главе «Преступления против автоматизированных систем обработки данных» Уголовного кодекса Франции (далее УК Франции), и характеризуется достаточно высоким уровнем детализации составов. Так, согласно ст. 323-1 УК Франции уголовная ответственность наступает только «при уничтожении или изменении данных либо ухудшении работы самого оборудования или системы, и по ч. 1 ст. 323-1 УК Франции лицо наказывается лишением свободы на срок до 2 лет или штрафом до 60 000 евро за сам неправомерный доступ. В случае если такие действия повлекли «удаление или модификацию данных, а равно ухудшение работы самой компьютерной системы» содеянное по ч. 2 ст. 323-1 УК Франции наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или штрафом до 100 000 евро. Особо квалифицирующим обстоятельством является совершение данного преступления против системы автоматизированной обработки данных, используемой государством (наказывается лишением свободы на срок до 5 лет и штрафом до 150 000 евро)»²².

Наряду с этим по французскому законодательству преступлениями являются: «замедление или искажение функционирования автоматизированной системы обработки данных (ст. 323-2 УК Франции); введение заведомо ложных (недостовверных) данных в компьютерную систему (ст. 323-3 УК Франции); распространение оборудования или компьютерных программ, заведомо предназначенных для совершения преступлений против автоматизированных систем обработки данных (ст. 323-3-1 УК Франции); участие в группе, созданной для совершения одного или нескольких преступлений против автоматизированных систем обработки данных (ст. 323-4 УК Франции)»²³. Статья 323-4-1 УК Франции специально оговаривает, что если преступления, предусмотренные ст. 323-1 – 323-3-1 УК Франции, совершены организованной группой и в отношении систем автоматизированной обработки данных, используемых государством, содеянное наказывается лишением свободы на срок до 10 лет и штрафом до 300 000 евро». В данной статье говорится именно о сочетании отягчающих обстоятельств, что соответствует российскому законодательству, а именно ч.4 и ч.5 ст. 274.1 УК РФ

Таким образом, рассмотренные примеры зарубежного опыта, не предусматривают выделения специальной главы, раздела или иной части для самостоятельного определения преступлений, посягающих на отношения, связанные с обеспечением безопасности информационно-коммуникационной инфраструктуры или неправомерного воздействия на КИИ.

Рассмотренные модели уголовно-правовой защиты от киберпреступности распространяются не только на производство, дистрибуцию и использование вредоносных программ, но также охватывают противоправные деяния, связанные с наличием техники, предназначенной для нарушений защиты информационных ресурсов и систем государства. Кроме того, ее характеристики включают в себя ответственность за обнародование секретной информации, о методах доступа к сетевым сегментам (инструменты аутентификации пользователей), отсюда значительно расширяя рамки правового регулирования в сравнении с российским законодательством.

²⁰ Convention on Cybercrime (ETS № 185): Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680081561>. (03.12.2024)

²¹ Об атаках на информационные системы и о замене Рамочного Решения 2005/222/ПВД Совета ЕС: Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2013/40/ЕС от 12 авг. 2013 г. URL: <https://base.garant.ru/70557982/>; Об атаках на информационные системы: Рамочное решение 2005/222/ПВД Совета ЕС от 24 февр. 2005 г. // Official Journal. 2005. № 69. Р. 67.

²² Чуракова Е.Н. Зарубежный опыт правового регулирования информационных отношений в условиях информационного общества: перспективы заимствования // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2018. №3(19). С. 44.

²³ Чуракова Е.Н. Указ. Соч. С. 45.

Наиболее распространеннымиотягчающими признаками компьютерных преступлений по зарубежному уголовному законодательству являются: «групповой способ совершения преступления; совершение преступления в отношении объектов критической информационной инфраструктуры; наступление тяжких последствий; сопряженность преступления с использованием вредоносных компьютерных программ или устройств, заведомо предназначенных для противоправного воздействия на компьютерную информацию или средства ее хранения, обработки или передачи»²⁴. Важность придается ситуации, когда уголовные кодексы стран мира признают возможность атрибуции ответственности корпоративным субъектам за преступления, связанные с использованием КИИ. Особенно интересным является факт, что некоторые государства внедрили регуляции, узаконивающие адаптацию требований традиционного уголовного права к преступлениям, возникшим в эре цифровизации.

Таким образом, рассмотренные зарубежные законодательства стран, не изменяя существующих юридических конструкций, как бы легально расширяют их действие, решая тем самым проблему предельной допустимости размывания признаков традиционных составов преступлений в сфере критических информационных инфраструктур.

В заключение необходимо отметить, что исследование зарубежного законодательства об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ, показало, что прослеживается отсутствие унифицированного подхода к определению критериев и признаков критической информационной инфраструктуры, и посягательств на нее. Во многом нормативное определение КИИ связано с понятиями национальной кибербезопасности и ее приоритетами. В некоторых странах КИИ понимается как информационная инфраструктура традиционной критической инфраструктуры. В то же время развивается понимание того, что узлы информационной инфраструктуры, не связанной с какими-либо объектами критической инфраструктуры. Чаще всего в качестве рисков указано создание угрозы безопасности государства и общества.

В качестве действия, характеризующего объективную сторону посягательства, чаще всего указывается неправомерный доступ, повлекший последствия, связанные с работоспособностью критической информационной инфраструктуры, либо повреждение ее различными способами. В некоторых странах неправомерный доступ КИИ является квалифицированным составом неправомерного доступа.

Как показал анализ, в отличие от российского законодательства преступные посягательства на КИИ характеризуются умышленной формой вины. Лишь в нескольких случаях уголовная ответственность согласно зарубежному законодательству наступает за неумышленные деяния против КИИ.

В заключение необходимо отметить, что отечественное законодательство об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ РФ требует совершенствования. Заслуживающими внимания мерами совершенствования рассматриваемого преступления из опыта зарубежного законодательства и их применение в Российской Федерации, на наш взгляд, являются:

- разработать модель уголовно-правовой регламентации преступлений связанных с КИИ РФ;
- выделить и регламентировать в уголовном законе специальных норм об ответственности за отдельные посягательства на КИИ: компьютерную информацию, а также средства ее хранения, обработки и передачи;
- унифицировать понятие критическая информационная инфраструктура, что в данном вопросе может сказаться на эффективности уголовно-правовой борьбы с посягательствами на КИИ;
- дифференцировать ответственность за неправомерное воздействие на КИИ РФ в зависимости от наступивших последствий: уничтожение, блокирование, приведение в непригодное состояние компьютерной информации, ее модификация (изменение), и копирование (завладение).
- закрепить в уголовном праве использование информационно-коммуникационных технологий в качестве конструктивных и (или) квалифицирующих признаков отдельных уголовно-правовых норм

Библиографический список :

1. Жарова, А.К. Теоретические основания правового регулирования создания и использования информационной инфраструктуры Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.13. – Москва, 2020. – 53 с.

²⁴ Халафян Н.М. Использование международных норм в качестве средства обеспечения правового качества нормативных актов // Вестник института законодательства им. Сперанского. 2017. №1. С. 27.

2. Кодекс США, часть I - Преступления: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>.
3. Русскевич, Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография / Е.А. Русскевич. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 352 с.
4. Халафян, Н.М. Использование международных норм в качестве средства обеспечения правового качества нормативных актов / Н.М. Халафян // Вестник института законодательства им. Сперанского. – 2017. – №1. – С. 27-31.
5. Хисамова, З.И. Международный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики / З.И. Хисамова. – Краснодар: Изд. Краснодар. ун-та МВД России, 2018. – 116 с.
6. Чуракова, Е.Н. Зарубежный опыт правового регулирования информационных отношений в условиях информационного общества: перспективы заимствования / Е.Н. Чуракова // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2018. – №3. – С. 44-56.
7. Computer Misuse: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/computer-misuse-act-1990>.
8. Convention on Cybercrime (ETS № 185): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680081561>.
9. Kemp, R. IT law in the UK: Looking back on 2007 and ahead to 2009 / R. Kemp // Computer Law & Security Review. – 2008. – № 6 (24). – P. 473-474.

Богачик Татьяна Олеговна

магистрант юридического факультета
Тольяттинский государственный университет, г.Тольятти

Бобровский Олег Викторович

научный руководитель, кандидат юрид. наук
Тольяттинский государственный университет, г.Тольятти

Bogachik Tatyana Olegovna

Master's student at the Faculty of Law
Togliatti State University, Tolyatti

Bobrovsky Oleg Viktorovich

scientific supervisor, candidate of law. sciences
Togliatti State University, Tolyatti

УДК 342

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

PUBLIC LEGAL AND CIVIL LEGAL PERSONALITY OF A MUNICIPAL FORMATION IN MODERN RUSSIA

Аннотация. В условиях реформирования системы местного самоуправления в Российской Федерации особую значимость приобретает анализ правосубъектности муниципальных образований в сферах публично-правовых и гражданско-правовых отношений. Целью исследования является выявление правовых и теоретических оснований двойственной природы правового статуса муниципальных образований. Метод исследования основывается на сравнительно-правовом, нормативно-аналитическом и системном подходах к законодательству и доктрине о местном самоуправлении. Итогом работы стало выявление взаимосвязи публично-правовых и частноправовых элементов правосубъектности муниципальных образований, что позволит совершенствовать нормативно-правовые механизмы, регулирующие их деятельность.

Abstract. In the context of reforming the system of local self-government in the Russian Federation, particular significance should be considered as an analysis of the legal personality of municipalities in the principles of public law and civil law relations. The purpose of the study is to identify the legal and conceptual foundations of the dual nature of the legal requirement of municipalities. The research method is based on comparative legal, normative-analytical and systemic approaches to legislation and the doctrine of local self-government. The result of the work was the identification of the relationship between public law and private law elements of the legal personality of municipalities, which will make it possible to improve the regulatory mechanisms governing their activities.

Ключевые слова: правосубъектность, муниципальное образование, местное самоуправление, публично-правовой статус, гражданско-правовой статус, правовой режим.

Keywords: legal personality, municipality, local government, public legal status, civil legal status, legal regime.

Современная система местного самоуправления в Российской Федерации характеризуется сложным переплетением публично-правовых и частноправовых начал, определяющих правосубъектность муниципальных образований. Это явление отражает эволюцию концепции местного самоуправления, определяемую как нормами Конституции РФ [1], так и положениями Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. На фоне децентрализации части государственных функций, передачи полномочий «на места» и повышения роли граждан в управлении локальными делами, исследование правосубъектности муниципальных образований приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Проблема публично-правовой и гражданско-правовой правосубъектности муниципалитетов заключается в том, что они одновременно являются носителями публичной власти (реализуя функции,

близкие к государственным), и субъектами частнопровых отношений (заключая договоры, приобретая имущество, выступая стороной в гражданском обороте). Подобная двойственность правового статуса порождает целый комплекс вопросов о механизмах реализации правосубъектности, границах муниципальной автономии и способах защиты прав и интересов самих муниципалитетов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами: во-первых, продолжающимся процессом модернизации законодательства, во-вторых, практикой судебных разбирательств, связанных с оспариванием сделок и актов муниципалитетов, и, в-третьих, растущей потребностью в чёткости доктринальных представлений о правовом статусе муниципальных образований в контексте публичной политики и гражданского общества.

Цель настоящей работы — выявить и критически оценить многоаспектную природу правосубъектности муниципального образования в современной России, а также предложить направления совершенствования законодательного регулирования и правоприменительной практики.

В процессе исследования были использованы взаимодополняющие методы анализа, обеспечивающие всесторонний охват рассматриваемой проблемы.

Во-первых, применён нормативно-правовой метод, который предполагал обращение к Конституции, федеральным и региональным актам, а также к Гражданскому процессуальному кодексу РФ [3], регулирующему в том числе вопросы судебного разбирательства и процессуальные аспекты рассмотрения споров с участием муниципальных образований.

Во-вторых, использовался сравнительно-правовой метод, в рамках которого проведено сопоставление правового статуса муниципальных образований в России и за рубежом. Например, анализировались постановления Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 3-П [4], а также Определение Верховного Суда РФ от 21.05.2019 № 302-ЭС19-6883 [5] и Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.06.2021 № Ф07-3674/2021 [6], и сравнивались с подходами, сформировавшимися в правовых порядках Франции и Германии.

В-третьих, задействован системный анализ, позволивший рассматривать муниципалитет как комплексного правового субъекта, находящегося во взаимодействии с государственными органами, коммерческими структурами и гражданами.

Исходя из анализа научной литературы и судебной практики, можно утверждать, что правосубъектность муниципальных образований в России имеет двойственную структуру, объединившую публично-правовые и гражданско-правовые элементы.

Публично-правовая компонента правосубъектности муниципального образования основывается на способности муниципалитета осуществлять властные полномочия в пределах определённой территории и исключительно в интересах местного сообщества. Эта способность прямо вытекает из конституционных норм о признании и гарантировании местного самоуправления [1], а также из положений Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ, в котором очерчены общие принципы организации муниципальной власти и зафиксированы основные направления её самостоятельной деятельности [2].

Ключевым элементом публично-правового статуса выступает право издавать нормативно-правовые акты, имеющие обязательную силу для исполнения в границах соответствующей территории. Такие акты, принимаемые представительными органами местного самоуправления, регламентируют наиболее важные аспекты локальной жизни, включая вопросы обеспечения социальной инфраструктуры, развития коммунального хозяйства и распределения бюджетных средств. Муниципалитет, исходя из принципа законности, обязан соблюдать иерархию нормативных правовых актов: местные уставы и постановления не могут противоречить федеральному законодательству или актам субъектов Федерации. При этом им дано право конкретизации ряда положений, исходя из особенностей местного характера: в частности, определения льготных категорий граждан на уровне муниципалитета, установления порядка публичных слушаний и детализации процедур, связанных с управлением муниципальной собственностью.

Важным аспектом публичной природы муниципального образования является контроль за исполнением местных программ и реализацией социально значимых мероприятий, призванных удовлетворять потребности жителей. В контексте такой контролирующей функции органы местного самоуправления наделены правом принимать обязательные к исполнению распоряжения, устанавливающие требования в сфере санитарного и технического регулирования, вводить режим особой охраны общественного порядка при возникновении чрезвычайных ситуаций и т. д. Эти полномочия, несмотря на их локальный характер, представляют собой проявление публично-властной

прерогативы, отличающейся от обычных гражданско-правовых сделок.

Одновременно публично-правовой статус муниципальных образований не существует в вакууме: государственные органы, сохраняя надзорные и координационные функции, обеспечивают соответствие деятельности местных структур конституционным принципам и федеральным стандартам. Реализуемые при этом механизмы прокурорского надзора, финансового аудита (например, со стороны Счётной палаты в части использования бюджетных трансфертов) или судебного контроля призваны поддерживать баланс между местной автономией и интересами государства в целом. Подобная надзорная система гарантирует, что муниципалитет, обладая публичными полномочиями, не будет выходить за пределы своей компетенции или злоупотреблять своими правами в ущерб общественным целям.

Таким образом, публично-правовая составляющая правосубъектности муниципального образования детерминирована совокупностью императивных норм, закрепляющих право издавать и применять власть, а также ограничивающих её сферы воздействия. Она базируется на конституционной доктрине децентрализации части государственных функций и отражает сложную диалектику отношений между местной властью и государством.

Гражданско-правовая компонента правосубъектности муниципального образования, будучи тесно переплетённой с публичным статусом, тем не менее наделяет муниципалитет свойствами самостоятельного участника гражданского оборота. В этой ипостаси муниципалитет выходит за рамки властных предписаний и действует по принципам, характерным для частноправовых отношений, — равенства сторон, свободы договора и диспозитивности. Соответствующий комплекс прав и обязанностей закреплён в Гражданском кодексе РФ и ряде подзаконных актов, регулирующих имущественные и обязательственные отношения с участием публично-правовых образований.

Прежде всего, муниципальное образование может приобретать и отчуждать имущество, находящееся в муниципальной собственности, заключать договоры, ориентированные на экономическую выгоду или на реализацию инфраструктурных проектов. К числу таких договоров относятся не только купля-продажа, аренда или подряд, но и более сложные формы инвестиционных соглашений, а также договоры концессии, посредством которых могут привлекаться ресурсы частных партнёров для развития локального хозяйства. В таких случаях муниципалитет выступает наравне с иными субъектами права, не обладая специальными привилегиями, характерными для властного статуса: он обязан соблюдать сроки исполнения обязательств, добросовестно исполнять договорные условия и, при необходимости, нести гражданско-правовую ответственность, вплоть до возмещения убытков или уплаты неустойки.

Подобный характер гражданско-правовой дееспособности делает возможным участие муниципалитета в экономической деятельности. Например, вкладывая бюджетные средства в создание или реконструкцию муниципальной инфраструктуры, орган местного самоуправления имеет право рассчитывать на возврат вложенных средств через плату за услуги или иные формы доходов, согласованные в договоре. Здесь муниципальное образование фактически преследует двойственную цель: удовлетворение публичных потребностей (улучшение качества жизни, развитие социально значимых объектов) и получение экономического результата, позволяющего более эффективно распоряжаться ресурсами.

Международная правовая доктрина также признаёт правомерность участия местных органов в экономических сделках. Как подчёркивается у Zimmermann [10], органы местного самоуправления во многих зарубежных юрисдикциях наделены компетенцией совершать правомерные хозяйственные операции для реализации общественных интересов, не выходя за пределы норм конституционного и административного права. Применительно к российским реалиям это означает, что муниципалитеты, имея гражданскую правоспособность, не только формируют хозяйственную стратегию локального уровня, но и могут направлять прибыль, полученную в процессе экономической деятельности, на решение приоритетных задач местного значения — будь то благоустройство территории, обновление коммунальной инфраструктуры или развитие образовательных и культурных учреждений.

Однако столь широкие возможности предполагают и наличие соответствующих ограничителей, без которых гражданско-правовая деятельность муниципалитетов грозила бы утратой публичного характера. Участие в имущественных правоотношениях сопровождается необходимостью соблюдения принципов прозрачности и подотчётности перед населением, а также строгим контролем расходования бюджетных средств. Если муниципальное образование не поддерживает должного уровня открытости (к примеру, при заключении контрактов на крупные инфраструктурные объекты),

может возникнуть риск коррупционных злоупотреблений или иного нецелевого использования публичных ресурсов. Именно поэтому законодатель и судебная практика устанавливают комплексный режим контроля, в рамках которого существенные сделки с муниципальным имуществом должны получать согласование в надзорных органах или представительных собраниях, а также соответствовать утверждённым в муниципальном уставе целевым приоритетам.

Следовательно, гражданско-правовая составляющая правосубъектности муниципалитета, хотя и предоставляет ему достаточно широкое поле для осуществления имущественных операций, носит всё же условно автономный характер и коррелирует с публичными интересами местного сообщества. Отсюда возникает необходимость искать тонкий баланс между целями экономической целесообразности и задачами локального развития, в рамках которого муниципалитеты не вправе игнорировать социальную миссию, закреплённую в их публичном статусе.

Взаимодействие публично-правовых и частноправовых компонентов правосубъектности нередко порождает правоприменительные коллизии. Муниципальное образование, с одной стороны, должно следовать принципам открытости, приоритета общественных интересов и жёсткому регулированию со стороны государства, а с другой — выступать наравне с коммерческими структурами, руководствуясь критериями экономической целесообразности и свободы договора.

Правовая практика свидетельствует о наличии споров, связанных, например, с разграничением властных и имущественных компетенций. В одной категории дел изучается правомерность актов муниципалитета, устанавливающих обязательные платежи или льготы для населения, в другой — оспариваются сделки, заключённые в целях коммерческой выгоды. Судебные инстанции, рассматривая такие споры, вынуждены определять, в каком именно качестве выступал муниципалитет: как публично-властный субъект или как равноправный участник гражданского оборота.

Анализ конкретных судебных постановлений демонстрирует, что границы правоспособности муниципального образования в России остаются достаточно подвижными и нередко зависят от интерпретации норм высшими судебными инстанциями. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ [4] подчёркивается недопустимость злоупотребления публично-властными функциями при распоряжении муниципальным имуществом. Одновременно Верховный Суд РФ [5] указывает, что при заключении гражданско-правовых договоров муниципалитет не может использовать свою публичную природу для уклонения от принятых обязательств.

Показательно и разбирательство в Арбитражном суде Северо-Западного округа [6], когда решался вопрос о действительности договора аренды земельного участка: суд оценивал, осуществлял ли муниципалитет нормативно-властные полномочия либо действовал как собственник, ориентированный на экономический результат. Подобные кейсы демонстрируют, что отсутствие детализированных норм о разграничении публичной и частной функций создаёт предпосылки для правовой неопределённости.

Двойственная правосубъектность муниципальных образований не является уникальным российским феноменом. Во многих странах, например, во Франции (где действует *Code Général des Collectivités Territoriales* [12]) и Германии (ст. 28 Основного закона ФРГ [13]), органы местного самоуправления также совмещают публично-правовой и гражданско-правовой статусы. В западноевропейских правовых системах, однако, закреплены более чёткие критерии и процедуры, позволяющие разграничить публичные функции и участие в коммерческом обороте.

В частности, во Франции Конституционный совет и *Conseil d'État* выработали систему правовых позиций, исключающих смешение властных полномочий с коммерческой деятельностью. Аналогично в Германии судебные инстанции оценивают природу действий муниципалитетов, исходя из их специфического «двухединого» статуса, что способствует предсказуемости судебной практики. Наряду с этим действует Европейская хартия местного самоуправления [11], в соответствии с положениями которой гарантируется самостоятельность местных органов в вопросах, прямо не относящихся к сфере государственных полномочий, одновременно учитывая необходимость соблюдения публичного интереса.

Проведённый анализ подтверждает гипотезу о существовании двойственной природы правосубъектности муниципальных образований в России, что находит отражение в совмещении ими публично-правового и гражданско-правового статусов. Данная особенность требует более детальной законодательной регламентации, чёткой судебной доктрины и разработки теоретических ориентиров, способных обеспечить баланс между локальной автономией, публичным интересом и экономической

эффективностью.

Необходимость усовершенствования нормативно-правовой базы. Представляется целесообразным закрепить в законодательстве критерии разграничения публично-властных и гражданско-правовых функций муниципалитетов, а также предусмотреть специальные процессуальные механизмы, позволяющие оперативно разрешать конфликты интересов.

Роль судебной практики. Систематизация позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и арбитражных судов позволит выработать единый подход к толкованию спорных ситуаций, что повысит уровень правовой определённости и защитит интересы местного самоуправления.

Заимствование зарубежного опыта. Западноевропейские модели местного самоуправления демонстрируют, что достаточно детальные законодательные нормы и продуманные судебные механизмы способны эффективно нейтрализовать коллизии, возникающие в связи с участием муниципалитетов как во властных, так и в гражданско-правовых отношениях. Однако любая рецепция зарубежных правовых конструкций должна основываться на учёте специфики российского конституционного и административного устройства.

Правовой статус муниципальных образований в современной России формируется на стыке публично-правовых и гражданско-правовых элементов, что позволяет говорить о двухслойной (или двойственной) правосубъектности муниципалитетов. С одной стороны, они выступают в качестве носителей публичной власти на локальном уровне, с другой — участвуют в договорных отношениях, зачастую руководствуясь коммерческими интересами и принципами свободы договора.

Обнаруженные в ходе анализа правоприменительной практики коллизии подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования и систематизации законодательства о местном самоуправлении. Более чёткое разграничение публично-правового и гражданско-правового статусов муниципалитетов, а также единые ориентиры судебного толкования позволят повысить эффективность управления на местах, укрепить доверие к местным органам власти и создать благоприятную правовую среду для решения вопросов местного значения. Теоретическая ценность работы состоит в развитии доктринальных представлений о природе муниципалитетов и выработке методологического подхода к анализу их участия в публичной и частной сферах. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности учёта предложенных рекомендаций при подготовке законопроектов, формировании судебной практики и разработке учебных программ в области конституционного и муниципального права.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2024).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2024).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 3.
5. Определение Верховного Суда РФ от 21.05.2019 № 302-ЭС19-6883 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.06.2021 № Ф07-3674/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Богданова Е. В. Муниципальные образования как субъекты публичного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019.
8. Магнитский В. А. Публичная корпорация и ее гражданско-правовой статус // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 29–37.
9. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. – М.: Юрайт, 2016.
10. Zimmermann A. Local Government in Comparative Perspective. – Oxford University Press, 2018.
11. Европейская хартия местного самоуправления (Совет Европы, Страсбург, 15.10.1985) // URL: <https://rm.coe.int/168007a088> (дата обращения: 14.12.2024).

12. Code Général des Collectivités Territoriales (Франция). Version consolidée // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 14.12.2024).

13. Основной закон ФРГ (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) // BGBl. I S. 1.

Научный журнал

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140